

Annotation

В магию я не верила. И не собиралась. Но меня похитили для обучения волшебству в другом мире...

Ну, здравствуйте, дорогие магические существа, поздравляю, вы сами виноваты.

А вы, коронованный архивампир с тролльным чувством юмора и секретами, виноваты особо, готовьтесь к расплате. Вы совершенно верно опасаетесь рыжих!

Подписка, первая часть.

Самостоятельная история по миру Эёрана.

Да, в Академии драконов пока закончились принцы-драконы. Но свободным остался правитель-вампир!

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32

Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57

Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Эпилог

Глава 1

Призванные из немагических миров волшебники вправе отказаться от обучения и вернуться домой, но их память об Эёране будет стёрта, а магия заблокирована.

Из устава Академии драконов.

– Осторожней с ней: у неё вся семья чокнутая! – на места позади меня садятся. – Это наследственное!

Даже сквозь рокот автобуса узнаю капризные интонации Звездопадовой, и трудно не понять, что она обо мне. Хотя в справке на водительские права написано, что я нормальная.

Прносящиеся гирлянды напоминают о скором празднике. Я крепче обнимаю переноску с Марком Аврелием.

– Мать её якобы потомственная гадалка и ведьма! И зарабатывает этим!

Ну, будущее мама, может, не предсказывает, зато прошлое – как по писаному. В людях разбирается и помогает: где переубедит, где посоветует, да просто поддержит – иногда этого достаточно, чтобы у человека всё наладилось, словно по волшебству.

– Шарлатанка! – уверяет Звезда нашей институтской группы. – И в дурке лежала.

В девятнадцать мама, как это случается со многими моими родными в юности, пропала, а через четыре года вернулась и не помнила о случившемся. Естественно, это повод для обращения к врачу.

Поймав себя на том, что тереблю медицинский браслет со своими данными, раздражаюсь: никуда я не пропаду!

– До сих пор на учёте состоит. И папаша такой же псих!

Морщусь: мама, как и бабушка, не выносит толпу – мол, эмоции людей давят. И мысли чужие будто бы слышит (хотя мои никогда не угадывала). Она наблюдается у специалиста – на всякий случай. И в диспансере они с отцом познакомились, когда он после такой же

амнезии наблюдался, чтобы снять обвинения в уклонении от армии. Он нормальный!

Откуда Звезда всё узнала? Я же уехала, чтобы избавиться от славы девочки из семейки чокнутых, в соцсетях присутствую анонимно, и всё равно какие-то доброхоты растрепали. Или в сети нашла? Фамилия-то у нас редкая.

Надеюсь, Звезда не знает, что моя бабушка уверена – её в молодости похитили и оплодотворили инопланетяне.

– А белку держать, – брезгливо продолжает Звезда. – Ну это нормально? Не кошку, не собаку – белку! Вдруг она больная?

Нет, Марк Аврелий не больной. Тоже со справкой. Только что получила.

– Бешенством страдает, – продолжает Звезда.
Бешенством у нас только ты страдаешь!

– Я пожаловалась коменданту, чтобы эту тварь выселили.

Вот стерлядь! Так это из-за неё я отсидела огромную очередь у ветеринара, а потом ловила Марка Аврелия по шкафам! И хорошо ещё, комендант животных любит, разрешила его оставить.

– Ну, белка – это прикольно, – баят сзади.

Да это же Миша! Голубоглазый блондин, спортсмен и просто душка (по его мнению), пригласивший меня на свидание. Чего наша Звезда стерпеть не могла.

– Не понимаю только... – задумчиво тянет Миша. – Зачем ты мне это рассказываешь?

– Что бы ты...

Отставив переноску, поднимаюсь и разворачиваюсь. У Звезды открывается рот, Миша шире распахивает глаза. А я улыбаюсь и доверительно сообщаю:

– Это месье. Нравишься ты ей, она маму мою просила тебя приворожить, а мама отказалась, поэтому Звездопова дискредитирует меня на случай, если я об этом расскажу. Ты поосторожнее с ней, не ешь и не пей рядом, а то мало ли какие она жидкости подольёт по рецептам из интернета.

– А... это неправда! – Звезда смотрит на Мишу вытаращенными глазами. – Она врёт!

Но Миша в мистику верит, раз после чёрной кошки дорогу задом наперёд переходит, а восхищение собой у него под стать

звездопова. А она внимание проявляет, говорит с придыханием. Как не поверить в её влюблённость в него такого замечательного?

Автобус тормозит, и хотя выходить рано, поднимаю переноску и улыбаюсь:

– Ну, хорошего вам вечера. Миша – удачи.

– Я не пыталась тебя приворожить! – взмахивает руками Звезда, но Миша от неё отодвигается.

А я вышагиваю к открывшимся дверям. Спускаюсь следом за

парнем в наушниках. Оборачиваюсь помочь хлипкой бабушке с тростью спуститься и перешагнуть через снежную кашу.

Ветер задувает снежинки за шиворот, под пуховик. И в переноску. Прижимаю её к груди и отступаю под укрытие остановки – к другим мёрзнущим в ожидании транспорта.

Вздыхаю: Звездопадова всему институту расскажет. Представит всё в самом мерзком свете. И мамину рекламу покажет, а она там в образе потомственной ведьмы. Всем же не объяснишь, что это для работы!

Подняв переноску, прижимаюсь к холодным прутьям дверцы. Когтистые лапки трогают за нос, цепляют выбившийся из-под шапки рыжий локон.

– Только ты, Марк Аврелий, меня и понимаешь.

Тяжко – хоть кричи. Но толку? Снова начнутся шепотки за спиной, шутки... Ну и ладно, я могу за себя постоять.

– Прорвёмся! – опускаю переноску.

Собираюсь развернуться, но в проёме между домами вспыхивает свет.

Мутный из-за разделяющего нас разрисованного пластика остановки, свет гаснет. Вспыхивает. Пульсирует.

Манит.

Меня толкают сильно, больно. Пихают ворчливо:

– Смотри, куда прёшь!

Оказывается, я пересекаю тротуар за остановкой. Не помню, как здесь оказалась. Неважно! Главное – свет.

Марк Аврелий мечется, сотрясая переноску, пищит, а я не могу оторвать взгляд от света.

Столкнувшись с ещё одним прохожим, шагаю в промежуток между домами, иду, тянусь рукой к сияющему столбу.

Дотронуться! Я должна дотронуться до этого расписанного символами столба. Обязана!

Дико пищит Марк Аврелий. Но я иду вперёд.

Ладонь соприкасается с сияющей поверхностью. Рукав пуховика задирается, открывая медицинский браслет на случай амнезии – и наваждение спадает.

Пульсирующий свет и столб, это невыносимое желание подойти – так похищение инопланетянами описывала бабушка.

Надо бежать! Но руку от столба уже не оторвать, и меня тянет.

Тянет куда-то в неизвестность.

Глава 2

Академия драконов – лучшее учебное заведение центрального
магического мира Эёран.

Великолепно подготовленные преподаватели.
Индивидуальный подход.

Монополия на обучение иномирян.

Знаменитые соректоры этого древнейшего и сильнейшего учебного заведения решают архиважную политическую задачу – готовят интеграцию демонов в общество через совместное обучение.

Именно соректоры в этот исторический момент закладывают фундамент будущих отношений между двумя отвоёвавшими цивилизациями!

– Сложность бытия архивампира в том, что бытие это в какой-то момент становится скучным, – соректор Санаду, он же правитель пятого вампирского кантона, он же декан факультета менталистики и преподающий профессор, отпустив прядь длинных чёрных волос, неохотно кроет шестёрку крестей дамой.

Престарелый профессор Эзалон, второй соректор Академии, поднимает взгляд от своей пары карт:

– Наш мир только что едва не уничтожили, когда ты успел заскучать?

Архивампир Санаду поверх карт смотрит на этого добродушного
с виду старичка в идеально сидящем
сютуке.

Они менталисты, и на игру снимают амулеты, сопротивляются считыванию мыслей и чувств исключительно своими силами – это добавляет в противостояние перчинку.

Разговор – лишь попытка Санаду отвлечь Эзалона от обороны и определить расклад в игре.

Не дрогнув ни единой эмоцией, Эзалон подкидывает козырную бубновую даму к четырём уже побитым Санаду картам.

Вздыхая, тот забирает карты, и козырная дама ну никак не утешает его в этой явно проигрышной ситуации.

Эзалон подбирает последние три карты колоды, лежащей на папках с предложениями профессоров по программе обучения для демонов.

Это уже пятая партия в подкидного дурака. И Санаду сегодня решительно не везёт.

Он, прикинув, что там остаётся в колоде, отбрасывает свои карты.

– Ничего, – благожелательно улыбается Эзалон, сгребая банк игры в двадцать золотых монет. – Как там говорят на Терре? Не везёт с деньгами – повезёт в любви!

Санаду кисло улыбается:

– Ещё там есть выражение: везёт, как утопленнику.

– Да ладно. Тебе надо отпустить прошлое. Я своё отпустил, – Эзалон постукивает себя по голове, на которой вместо роскошных рогов остались лишь шрамы под седыми волосами, – и отлично себя чувствую!

В дверь стучат, и Санаду вместо ответа взмахивает рукой. Поднятые его силой карты собираются в колоду и ныряют в открытый телекинезом ящик стола.

Эзалон руками открывает папки с предложениями по учебной программе. Одну берёт себе. Санаду забирает другую. Оба делают сосредоточенно-умные лица.

– Ты старше, – напоминает Эзалон, и Санаду, выглядящий едва ли на земные тридцать, щёлкает пальцами.

Дверь открывается.

Волкооборотень Алоиз заглядывает в кабинет для совещаний, и в его жёлтых глазах плещется ужас:

– У нас проблема!

– И какая? – Санаду демонстративно отрывается от чтения документа. – Опять студенты на спор туалет разнесли или запачкали?

– Н-нет, – мотает головой Алоиз. – Мы восстанавливаем магические системы Академии после сбоя из-за битвы...

– А мы-то не знали, – изображает удивление Санаду и продолжает серьезнее. – Хотя сами подписали распоряжение о проведении этих работ. И что случилось?

– Когда всё заработало, – Алоиз таращит жёлтые глаза, – мы обнаружили, что манок притянул мага из непризнанного мира и ещё какое-то существо. Энергии защитных чар хватило для наведения на

них частичного стазиса, а на оповещение о совершении призыва – уже нет.

– Ещё иномирец? – почти возмущён Эзалон. – В середине учебного года? Зачем включили манок?

– Мы манок не запускали, – разводит руками Алоиз. – Спонтанное срабатывание. Кажется, во время разрушения печати между мирами. Наверное.

Печать между миром демонов и Эёраном была разрушена во время великой битвы, закончившей войну тысячелетий. И случилось это не вчера.

– Иномирец так и висит в частичном стазисе? – уточняет Санаду. Алоиз кивает.

– Кажется, кому-то последнее время было скучнее, чем мне, – тяжело вздыхает Санаду.

Пока соректоры переглядываются, Алоиз выскальзывает в коридор и прикрывает дверь, чтобы ему этого неизвестного иномирца не поручили – этим двоим только возможность дай свои обязанности на кого-нибудь переложить.

– Ты, кажется, скучал? – Эзалон улыбается Санаду.

– У тебя лучше получается иномирцев отваживать.

Они должны убеждать призванных учиться, но после их объяснений многие предпочитают вернуться домой, при этом попечительский совет даже проверкой памяти отказавшихся не выявит нарушений: ну не прониклись объяснениями о прелестях магического мира, бывает.

– И у меня случаются осечки, – Эзалон довольно хмыкает. – Но сегодня твоя очередь избавить нас от бумажной волокиты.

С бюрократией в лучшей Академии мира просто беда. Санаду задумывается:

– Отстойник для иномирцев закрылся, так что отказ могут не принять.

По уставу Академии иномирцы вправе отказаться от магии и вернуться домой, хоть это и стоит им памяти об Эёране, а возвращают их при следующем схождении миров, и тут как повезёт – схождение миров событие не ежегодное.

– Ничего, придумают что-нибудь, – отмахивается Эзалон. – Новая форма для получения субсидий на пришлых бьёт все рекорды по

сложности заполнения. Сходил бы ты, показал клыки и получил расписку об отказе от обучения.

Вместо согласия Санаду выставляет кулак, предлагая решить всё на камень-ножницы-бумага. Этому способу он научился на Терре, как и подкидному дураку.

Эзалон вызов принимает.

– Камень! Ножницы! Бумага! – качает кулаком Санаду и выбрасывает ножницы.

Ножницы тупятся о камень.

– Удачи! – желает Эзалон поднимающемуся Санаду. Воодушевлённо помахивает победившим кулаком. – Так всё распиши, чтобы и мысли учиться здесь не возникло.

– Я постараюсь, – Санаду останавливается у двери. – Но у меня сегодня несчастливый день, успешного завершения встречи гарантировать не могу.

– Зубы покажи – это хорошо работает! – советует ему в спину Эзалон, вынимая бланк, чтобы пожертвовать карточный выигрыш на нужды Академии драконов.

Ну а Санаду отправляется пугать потенциального студента. Или студентку...

Глава 3

Зависаю в неизвестности... И это не фигура речи: парю в мутном пространстве. Ни пошевелиться, ни вдохнуть. И почему-то это не пугает. Медленно ползут мысли... то ли, как бабушку, инопланетяне приобщают меня к эксперименту оплодотворения, то ли, как предрекали, из-за наследственности у меня крыша потекла. Основательно.

Созерцание неравномерности окружающей мути нарушает смутное движение в ней.

Ну хоть что-то происходит!

Муть вздрагивает. Уплотняется, оседает на коже ощущением

сковывающего меня стекла. И только крепче сжав ручку переноски, вдруг осознаю, что снова могу двигаться.

Практически одновременно с этим серая пелена осыпается осколками полупрозрачных кристаллов, и я вместе с переноской оседаю на них, глубоко и резко вдыхая спёртый воздух.

Перед глазами слегка плывёт, поэтому не сразу удаётся разглядеть стоящего в нескольких метрах от меня... человека?

У моего похитителя чёрные глаза, бледное лицо, костюм в стиле викторианской Англии и поднос с двумя бокалами.

В одном пузырится шампанское, в другом алеет нечто похожее на кровь.

Мы в просторном зале. Похоже, он высечен в скале. С потолка нисходит свет.

Марк Аврелий, возмущённо пища, между прутьев решётки выталкивает осколки серых кристаллов – таких же, как рассыпанные вокруг. Они медленно тают, не оставляя следов. И вместе с ними тает моё ленивое, неестественное спокойствие.

Статный мужчина пронзительно смотрит мне в глаза.

С таким выражением мама и бабушка мои мысли считать пытались. Безуспешно.

– Здравствуйте! – приветствую я: от меня не убудет, зато можно настроить беседу на дружеский лад.

Да и здоровье с таким анемичным цветом лица явно требуется.

Мужчине лет тридцать, красивый, а уже так сильно болеет.

Он удивлённо приподнимает брови. Я расстёгиваю пуховик: здесь жара. Мужчина растерянно смотрит на изображение на моей футболке.

– Начинаете со стриптиза? – он вздёргивает бровь.

– Не надо быть таким озабоченным: здесь жарко. О комфорте похищенных вы явно не заботитесь.

Он приподнимает поднос с бокалами:

– Я выпить принёс. С комфортом у нас всё отлично. И широко улыбается.

Ух, какие клыки!

Похоже, с оценкой цвета лица я поспешила: бледность, возможно, естественное здоровое состояние. Или мёртвое. И он, может, на солнышке сверкает, как бриллиант.

– Зачем вы меня украли?

Смотрю в тёмные глаза и жду рассказа о судьбе родных, невероятных откровений (уж больно схема исчезновения похожа), а он...

– Я вас не похищал, – он вздёргивает подбородок. – Не имею привычки девушек красть. И не надо на меня с таким подозрением смотреть: юношей я тоже не ворую.

Значит, правду рассказывать не хочет. Или не знает. Но мои родные вернулись, значит, и я пройду это испытание.

Осколки скрипят под начищенными ботинками вампира и стремительно растворяются. Жидкости в бокалах даже не вздрагивают от его движения.

– Нам нужно спешить! – Он опускается на колено, нас разделяет поднос с бокалами. Скульптурно чёткое лицо очень близко. Как и завораживающе чёрные глаза. И обволакивающий полушёпотом голос:

– От этого зависит твоя жизнь!

Зависит моя жизнь? Поверю на слово – вдруг и правда зависит? А там разберусь. Возмущает одно:

– Так что ж вы тогда время теряли на разглядывание? – Отпустив переноску, поспешно стаскиваю с себя пуховик: вдруг бежать придётся. – Что нужно делать?

На мгновение незнакомец теряется, но тут же продолжает, при каждом слове выпячивая клыки:

– Ты дитя немагического мира. А здесь мир магический. Твоё тело не привыкло к магии, – с театральной трагичностью вещает он. – Увы, она тебя убивает, скоро тебе станет плохо, очень плохо, поэтому ты должна быстро принять решение, которое определит твою дальнейшую судьбу. Решение это важное. Ты должна осознавать, проникнуться им. Верить и желать...

– Что? Что я должна делать? – Смотрю на бокалы между нами. – Выпить?

Оторопев, мужчина отвечает нормальным голосом:

– Ну, в общем, да. Добровольно. Хватаю бокалы и тяну к губам.

– Эй-эй-эй! – уронив поднос на колено, мужчина перехватывает

бокалы поверх моих ладоней. – Тебя разве не учили не пить с незнакомцами?

Кожа у него прохладная, но не ледяная. Подушечки пальцев мягкие. В них бьётся отголосок пульса.

Мы смотрим друг другу в глаза. Чёрные, они затягивают, манят.

Не оторваться.

– Так дело жизни и смерти, – неожиданно низким тоном напоминаю я. – Но если для вас это так важно: как вас зовут?

Выпавший поднос соскальзывает с колена мужчины и задевает переноску, недовольно пищит Марк Аврелий, и эти звуки нарушают странное оцепенение.

– Обращайся ко мне Санаду. – Мужчина ослабляет ладонь на бокале с чем-то напоминающим шампанское и крепче сжимает руку на бокале с красным.

И я тоже крепче сжимаю бокал с красным напитком:

– Клеопатра. Приятно познакомиться.

– Кхм... Понятно. Хорошо, держите, – с неожиданным раздражением соглашается Санаду и поднимается, отступает на шаг. – Надо выбрать. От выбора зависит дальнейшая жизнь, судьба. Всё. Поэтому к вопросу надо подойти серьёзно.

– Мы торопимся, – напоминаю я.

Бокалы согреваются в моих руках. Санаду опять смотрит странно.

– Выбрать вдумчиво и быстро, – соглашается он. – Дело в магии. Она вас убивает. Заклинание стазиса замедлило процесс, но чем

дольше вы здесь находитесь, тем быстрее магия будет вас убивать, скоро вы ощутите недомогание и...

– Вы это третий раз говорите, я поняла. Что делать-то?

– Это я и пытаюсь объяснить, а кое-кто перебивает.

– Только как-то неясно объясняете. Первый раз, что ли? Брови у него подскакивают, губы дёргаются:

– Послушай, это официальная встреча, есть правила её проведения, есть протокол. Ты не первая иномирянка, которой я объясняю, но ты первая, кто... так перебивает. А я, между прочим,

вамфир!

Он выжидательно смотрит на меня.

Глава 4

– Я догадалась, что у вас не маскарадная вставная челюсть – держится слишком хорошо. И? – не понимаю смысла уточнения: клыки он не скрывал. – Это имеет какое-то значение?

– Ты ведь с Земли, – Санаду указывает на Пушкина на моей груди. Опять он тянет время!

– Да, с Земли. Как мне спастись?

– Я вамфир. Тебя это не смущает?

Он не только с Пушкиным, но романтическими вамфирскими историями знаком? Спешу его успокоить:

– Не волнуйтесь, помогать не буду.

Санаду приоткрывает рот что-то сказать. Закрывает его. Смотрит на меня странно. Не верит? Опасается, что наброшусь с просьбами любить и обратить?

– Правда не буду, – обещаю я. – Ни вас, ни других вамфигов, вы в полной безопасности.

– Прямо успокоили. Кхм! – Прокашлявшись, Санаду как-то слишком по-человечески чешет пальцем над бровью. Вздыхает и повторяет. – Ты должна выбрать.

Стоически молчу. Может, у него не одна тысяча лет за спиной и старческий маразм, поэтому повторяется. Или долгожительство сказывается на восприятии времени, и я не прямо сейчас, а через неделю от магии начну умирать.

– Это, – Санаду кивает на красную жидкость, – позволит остаться здесь. После ряда мероприятий и некоторых ограничений ты сможешь обучиться магии. Обучение придётся отработать. Ты вряд ли сможешь вернуться к родным. Предупреждаю: здесь много разных существ, люди не высшая раса, а иномирные редко добиваются успеха. А это, – он кивает на тёплый бокал с «шампанским», – освободит от этого всего, и через некоторое время ты вернёшься домой. К родным и близким, к своей привычной жизни. Словно ничего не случилось.

«Словно ничего не случилось» – так он маскирует стирание памяти о всём случившемся? Мои родные вернулись, но их жизнь не

была прежней.

В висках бешено стучит: выбор действительно важный.

– Всё понятно? – спрашивает Санаду, и я с мелких пузырьков в бокале перевожу взгляд на него.

На тёмные-тёмные глаза.

– Скажите, я буду помнить об этом выборе?

Мгновение он будто сомневается, отвечать ли.

– Нет, – Санаду вскидывает руки и улыбается. – Никаких неприятных воспоминаний, сомнений. Вернёшься, как будто здесь и не была.

И я даже знаю, как чем это заканчивается.

– И как скоро можно будет вернуться домой? – мой голос тоже становится вкрадчивым.

На этот раз Санаду определённо колеблется – и дольше обычного.

– Точно сказать не могу, – признаётся он, чуть отводя взгляд. – Как правило, иномирян притягивает при схождении миров, и в силу некоторых особенностей обратно отправить без вреда для здоровья вас можно лишь со следующим схождением. Промежутки времени между ними разнятся. Но ты же хочешь вернуться безопасно, да?

– Как скоро? – стискиваю ножки бокалов.

– М-м, между схождениями иногда и год проходил. – Санаду снова потирает пальцем над бровью. – Но может и два-три.

– И пять-семь, – предполагаю я по семейной истории.

– Бывает и такое, – кивает Санаду, окончательно отводя взгляд. – Иномирцы, ожидающие возвращения домой, проживают вместе в отдельном поселении.

В такой ситуации можно влюбиться, забеременеть, а потом вернуться домой и, ничего об этом не помня, решить, что поработали инопланетяне-похитители.

Эх, бабуля-бабуля... а ведь ты оказалась права! Инопланетяне поработали.

– До возвращения к родным у тебя будут комфортные условия, питание, развлечения. Бесплатно...

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Это как в отпуск съездить, – Санаду продолжает нагло... врать?

Нет, зачем-то заманивать меня в ловушку будущего безумия.

– Родные будут волноваться.

– Не переживайте: пока вы здесь, все уверены, что вы в порядке,
просто в отъезде.

Так вот почему никто не беспокоился, пока дядя и папа не
вернулись с амнезией! Упорно считали, что они от армии прячутся. А
ведь у дяди моего семейная история располагает к волнениям о его
судьбе, но мои напоминания об этом
на остальных не действовали.

Механизм ясен: пока я здесь – все счастливо живут своей жизнью
и не понимают, что я исчезла. А
как вернусь...

Вернусь – через несколько лет, без образования, с провалом в
памяти, в изменившийся за эти годы мир. Уверенная в своём безумии и
амнезии. С таким диагнозом о карьере можно забыть...

Внутри всё сжимается.

Сейчас бы выйти в поле и поорать.
Но.

Сначала дело.

Выбор вроде очевиден: здесь можно изменить судьбу. Нет у меня
предубеждений против вампиров. Только этот черноглазый фант
объясняет всё так, чтобы выгоднее казалось возвращение. Даже бокал
с «кровью» держал чуть крепче, чем позволяющий уйти. Словно ему
нужно, чтобы я отказалась от магии.

А если вспомнить, что бабушкино ожидание возвращения
закончилось беременностью неизвестно от кого...

– Значит, можно будет вернуться домой... – я склоняюсь к
бокалам, рассматривая содержимое. Голова немного кружится.

– Да, домой, – подтверждает Санаду. – Ты ведь хочешь домой.

Как он говорил: принимая решение, я должна в него верить и
желать.

Пузырящийся напиток пахнет персиками и клубникой. А красный

– чем-то неприятным. Даже в этом меня подталкивают к
определённому выбору.

Но я не хочу становиться одной из чокнутых своей семейки!

Хотя в семье моей, похоже, чокнутых не было – просто они

делали

иной выбор.

В их время фэнтези ещё не расшатало границы допустимого. Наверное, им было страшно. Жутко. Они хотели вернуться к любимым. И их к этому подталкивали, торопили. Может, этот самый Санаду.

А потом они всю жизнь расхлёбывали последствия.
Я хочу другого!

Быстро отпиваю красную безвкусную жидкость.

И зашкаливающий пульс успокаивается: выбор сделан, поздно волноваться.

– Ты даже не все обстоятельства выяснила, – засунув руки в карманы брюк, он взирает на меня с высоты своего роста. – Как безответственно. Надеюсь, в учёбе ты проявишь больше благоразумия.

– Зато теперь, раз я не умираю, вы можете рассказать всё без спешки, подробно, – сделав ещё один глоток, улыбаюсь и открываю переноску, засовываю бокал туда. Если мне надо выпить, чтобы остаться здесь, то и Марку Аврелию, наверное, тоже необходимо принять это лекарство. – Пей.

Он не спешит, и я даю любимую команду дедушки:

– Марк Аврелий, тост!

Марк Аврелий, пискнув, вцепляется в бокал, но ограничивается лишь парой чмокающих глотков.

Санаду приподнимает брови:

– Почему не Марк Антоний?

Да у нас тут знаток Земной истории! Должен вроде знать, что кончила эта пара плохо. С самым честным видом отвечаю:

– Потому что я не по белкам.

– Белкам? – Он умудряется задрать брови ещё выше.

– Марк Аврелий – белка.

Хмыкнув, Санаду качает головой:

– Ох уж эти белочки с Терры! – Он тяжело вздыхает и нарочито расстроено тянет. – А драконы молодые-свободные закончились... Впрочем, ничего страшного: нам демонов подвезут, будет с кем развлечься. Замужество, кстати, освобождает от необходимости обучения.

И опять выжидательно смотрит. Этот подозрительный взгляд
вынуждает уточнить:

– Вы издеваетесь или предлагаете?

Глава 5

– Я, конечно, предпочитаю рыжих, – усмехается Санаду, – но кто-то обещал не домогаться. Не стоит давать обещание, если не можешь его исполнить.

Кажется, у кого-то самомнение выше крыши.

– Я не о вас, а о демонах, которых вы мне предлагаете как альтернативу обучению. Вы считаете, что я не смогу здесь учиться, или свахой подрабатываете?

Мгновение Санаду смотрит на меня. Сурово произносит:

– Я скорее анти-сваха. И если мозги есть – учиться можно. Идите за мной.

Вытаскиваю бокал из переноски – Марк Аврелий всё допил!
Протягиваю оба бокала Санаду, но тот лишь
головой качает:

– Оставьте здесь. И захватите Марка Антония.

– Это Марк Аврелий! – Отставив бокалы, закрываю переноску.

Подхватываю пуховик.

С пуховиком в одной руке и переноской в другой отправляюсь за Санаду в темноту. Слышны только мои шаги. И шелест одежды.
Попискивания Марка Аврелия.

Здесь удушающе жарко.

– Как долго придётся отрабатывать обучение? Есть ограничения на права и трудоустройство иномирян?.. И не могли бы вы свет включить. Может, у вас, вампиров, ночное зрение, а у меня нет, и если я споткнусь и упаду вам на спину, не считайте за домогательство.

Громко щёлкают пальцы Санаду. Над его головой вспыхивает шар света. Мы находимся в коридоре с ровным, исключаящим спотыкание полом.

Меня перетряхивает от накатившего холода.

Поставив переноску, торопливо натягиваю пуховик. Санаду оглядывается.

– Холодно же, – поясняю в ответ на его непонятный взгляд.

Едва я, подхватив переноску, делаю несколько шагов, нестерпимый жар разливается по телу.

– Температура воздуха меняется? – уточняю я.

– Здесь нормальная температура. Жар и озноб – побочный эффект зелья. Исключительно субъективное ощущение, смена одежды не поможет.

– Могли бы предупредить, – расстёгиваю пуховик. – А, ну да, я же не спрашивала.

– Совершенно верно, – через плечо улыбается Санаду.
Он явно издевается.

Коридор заканчивается большой тёмной аркой.

В пуховике невыносимо. Снова приходится раздеваться. А когда пытаюсь догнать Санаду, удаляющего вместе со светящимся шаром, ноги внезапно путаются.

– Эм... – я с трудом передвигаю ослабевшие конечности. – Теперь ноги отнимаются – это тоже нормально и чисто субъективные ощущения?

– Да. Это побочный эффект заклинания стазиса, будьте внимательны. И поторопитесь: надо инициировать магический источник. Потом отдохнёте.

Просто чудесно!

Руки тоже начинают отниматься.

– У вас зимы холодные?

Сбившийся с шага Санаду оглядывается:

– Нет, а что?

Роняю пуховик и, следя за руками, заставляю их прижать переноску к груди. Шагаю дальше.

Санаду, чуть сощурившись, наблюдает за моим приближением.

Тело отнимается. С каждым мгновением всё больше, до панического биения сердца. Жар и холод накатывают попеременно. Одно утешает – это временно.

До Санаду я добираюсь походкой зомби. Изрядно разложившегося. Способного только на «Ы-ы-ы», потому что язык тоже отнимается.

Лишь бы Марка Аврелия не уронить. Только бы не уронить переноску.

Перед глазами всё расплывается.

Зажмуриться бы и постоять немного. А лучше полежать. Но держусь.

Санаду шагает в арку и исчезает за её тёмным пологом. Светящаяся сфера ныряет туда же, мгновенно погружая коридор во тьму.

Ну, прекрасно!

Из тьмы доносится ровный голос Санаду:

– Проходи.

Ковыляю за ним. Прорываюсь сквозь вязкую преграду. В глаза ударяет свет. По мановению руки Санаду сияющий шар взлетает выше, освещая огромный амфитеатр с пустыми рядами сидений.

В центре – стальной цилиндр. Матовая, покрытая медными письменами поверхность раскалывается на равные лепестки и раскрывается, обнажая огромный, метра три-четыре, кристалл. Синие грани вспыхивают в свете сферы.

– Опаздывающим торжественные церемонии не положены, – Санаду искоса поглядывает на меня.

Проверяет, устою я или нет? Устою! Удовольствия наблюдать за моим падением не доставлю... Надеюсь.

Мой лоб обжигает внезапно. Щекотный жар разливается по телу, наполняя каким-то странным, чужеродным восторгом. Он ослепляет – я утопаю в сиянии.

***

Из своего многолетнего опыта управления государством и преподавания Санаду знает главное: дерзких надо осаживать сразу. Особенно студентов: они хуже закоренелых преступников! Один раз позволишь взять верх – и потом они раз за разом будут проверять границы дозволенного, чтобы повторить тот единственный успех.

А студента и не накажешь сильно, так что попустительство грозит катастрофой.

Именно предчувствие катастрофы не покидает Санаду с момента, как он руками вместо телекинеза подхватывает бесчувственно падающее террианское чудо вместе с переноской. Хотя нет, раньше – наверное, с её обещания не

домогаться.

Когда понял, что ему придётся её учить, а она рыжая.
у него проблемы с рыжими. Всегда!

А тут сразу ни осадить не удалось, ни добиться просьбы о помощи – последнее весьма способствует приручению строптивых. Проблема!

В кабинет Эзалона Санаду заходит в наимрачнейшем расположении духа:

– Надо было тебя с накладными рогами отправить!

Эзалон поднимает седую голову от схемы нового узора и вопросительно смотрит на коллегу. Тот, пройдя мимо вышитых картин-порталов, ложится на кожаный диван и складывает руки на груди.

– Ты что, клыки не показал? – спрашивает Эзалон.

Рассказывать, что признание в вампиризме вызвало лишь обещание не приставать к нему, – Санаду! Грозе Академии! – он не собирается: Эзалон такое лет пять смаковать будет. А то и все десять.

– Не впечатлили мои клыки! – театрально вздыхает Санаду. – Будем считать, что у меня из-за этого депрессия. Поэтому я не могу заполнить документы о поступлении и изучить предложения профессоров, – он косит чёрным глазом на высоченную стопку папок.

– Давай ты сам это прочитаешь и составишь расписание для демонов.

– Воспаление хитрости у тебя. Запущенное! А не депрессия.

– Когда ты изучил целительство, чтобы ставить диагнозы? А лицензия есть?

– И обострение лени! – Эзалон возмущён нежеланием Санаду изучить предложения по обучению демонов, там ведь всего сорок папок .

Санаду закатывает глаза. Но слова Эзалона его не трогают: он может вернуться во дворец и строить своих подданных, но здесь, в Академии, веселее. Когда дело не касается документов.

Беспокоит Санаду новая студентка.
И её особенность.

Глава 6

Эзалон, не дождавшись ответа, уныло сворачивает лист со схемой

ВЫШИВКИ:

- Не хотел без тебя решение по демонам принимать.
- Да я только за! – Санаду смотрит в потолок. – Ты демон, тебе лучше знать, как их учить. Я всецело полагаюсь на тебя в том, что касается этих новых студентов.
- А документы на иномирца заполнить?
- Не могу: у меня же депрессия! И экзистенциальный кризис личности.
- Это слово даже заклинанием не переводится, – сообщает Эзалон.
- А я разве в этом виноват? – пожимает плечами Санаду.

Некоторое время Эзалон сверлит Санаду недовольным взглядом и бомбардирует всплесками раздражения. Но ментальный щит Санаду спасает его от постороннего влияния.

В конце концов, Эзалон телекинезом отправляет в него бумажный шарик. Но Санаду стремительно перехватывает его у своего лба.

- Я сделал всё, что мог, – поясняет Санаду из состояния глубокой задумчивости: он крутит в голове беседу с Клеопатрой и как нёс её, потерявшую сознание, к целительнице, как устраивал в общежитии, хотя не соректорское это дело!

- Ты должен был подобрать слова, которые испугают иномирца и заставят отказаться от обучения.

- Абсолютный щит, – Санаду обращает пойманную бумажку в прах.

Ментальная защита, полностью скрывающая мысли и чувства. И как тут подбирать пугающие выражения?

Видеть разумное существо, но не чувствовать – настоящая пытка для менталиста. Особенно для того, кто привык злоупотреблять своими способностями.

Это раздражает Санаду.

Заставляет чувствовать себя уязвимым.

Всё внутри него требует разбить эту защиту, проникнуть в мысли, наказать за зуд этого желания.

Впрочем, последнее присуще не каждому менталисту. Но у Санаду проявляется очень остро.

Эзалон с мученическим видом откидывается на спинку кресла:

– Амулеты?

– Никаких амулетов не было, я проверил.

Абсолютный щит значит либо шпиона, либо менталиста с большими проблемами. Неосознанно такая защита возникает, когда последние пугаются дара или интуитивно закрываются от атак других менталистов. Такими студентами занимается лично наставник. И Эзалон почти сочувствует Санаду, покашливает:

– Ничего, подобный опыт у тебя есть, на индивидуальных занятиях разберёшься с этим щитом.

– Нет.

– Почему?

– Я тут подумал и решил, что больше не занимаюсь со студентками индивидуально.

– Студентками? – с подозрением переспрашивает Эзалон.

– А я разве не сказал, что это девушка? – рассеянно уточняет Санаду.

– Ладно, девушка, так девушка. Документы всё равно надо заполнить, – Эзалон взмахивает рукой. В одном из низких шкафов открывается ящик и оттуда телекинез выносит толстую папку с шестьюдесятью восемью требующими заполнения бланками о принятии иномирянки на обучение. Бросает её на грудь Санаду. – Хорошо, что я заказал и такие бланки. Как чувствовал.

– Раз чувствовал, надо было меры принять. Что мы с ней с середины года делать будем?

– Поставим с демонами учиться.

Обнимая толстую папку с документами, Санаду размышляет. Ситуация безвыходная: ломать щит нельзя – так можно разрушить психику. Наставник менталистов должен в разговорах нащупать причины блокировки, вслепую распутать чужие страхи, чтобы обучить контролю над даром.

А Санаду слишком привык просматривать эмоции и мысли студентов, чтобы делать неприятные, но не убийственные замечания и

так держать дистанцию в этой тонкой науке, подразумевающей разумов и чувств.

С Клеопатрой будет полная непредсказуемость. Никакого

контроля
чётко выстраивать границы.

её реакций и возможности

«Это точно закончится катастрофой, если не удастся свалить всё
на Эзалона», – Санаду косится на него:

– Раз она будет заниматься с твоими демонами, поработай с ней
сам.

– У меня не хватит опыта. – Эзалон с печальным вздохом убирает

схему вышивки в стол. – И дел много. Демоны опять же. Среди них
только стихийники. Займись этой девушкой.

– Нет.

– Послушай, – Эзалон чешет старый шрам на голове. – Эту
проблему со щитом надо решать: мы не можем выпустить
неподготовленного менталиста.

– Если ментализм будет единственным выраженным талантом –
не можем, но если будут другие – мы можем подготовить только по
ним. Подобное разрешено уставом Академии.

– Санаду, – выдыхает Эзалон, – но это... это нечестно! Ей же всё
равно придётся этому учиться, искать потом менталиста для
тренировок, и это обойдётся очень
дорого.

Он не горит желанием связываться с жителями непризнанных
миров, но уж если те стали студентами – они студенты и имеют право
на всё.

Санаду кривит губы. Эзалон продолжает увещевать:

– Разве тебе не интересен этот случай?

– Нет, – откровенно лжёт Санаду.

– Это твоя обязанность.

Санаду резко садится. Скулы его заостряются, обозначаются
клыки, а глаза кажутся чернее.

– Она рыжая. Изыщная, красивая девушка со спонтанным
абсолютным щитом. Рыжая, – он резко поднимается. – Я не буду с ней
заниматься. Ни индивидуально. Ни в
группе. Ни за что!

Несколько мгновений Эзалон смотрит на него расширенными
глазами. Затем опускает взгляд:

– Хорошо, мы что-нибудь придумаем, как-нибудь это решим...

Молчит ещё некоторое время, пока Санаду деланно перебирает листы, просматривая новые, три дня назад доставленные из типографии бланки, в которых Санаду и Эзалон числятся соректорами вместо ушедшего ректора Дегона.

«Надо было сделать очередной перерыв в преподавании», – запоздало думает Санаду, но контракт уже подписан.

Он оглядывается на диван: не получается у него в депрессии лежать.

Да и как лежать, если он до сих пор чувствует лёгкость Клеопатры на своих руках и тепло её кожи кончиками пальцев. Помнит, как менялся оттенок рыжих волос в зависимости от смены освещения.

Он подносит стул ближе к столу Эзалона и усаживается с бланками, телекинезом притягивает пачку чистых листов, чтобы заклинаниями скопировать бланки.

Эзалон исподволь на него поглядывает:

– Кстати, ты академический кристалл хорошо запечатал? Все защитные чары активировал?

– Разумеется!.. Как будто это поможет, если Валерия о нём вспомнит.

– Надеюсь, не вспомнит, – вздыхает Эзалон о недополученной выгоде и расходах на охрану. – Перепрятать бы кристалл. Закопать поглубже. Обезопасить.

– Не поможет, – Санаду пытается переключиться на разговор и дела Академии, выдворить ненужные мысли и ощущения из памяти. – Если желание очень сильное, ему ничто не помешает.

– О девушке ты, надеюсь, позаботился?

– Нет, бросил в зале инициации, – Санаду берётся за перо и, поймав недоуменный взгляд Эзалона, признаётся. – Целительнице показал и поручил Нике.

– Уверен, что это хорошая идея? – сомневается Эзалон: последнее время она постоянно витает в облаках и допускает ошибки, Эзалон бы ей ничего ответственного не поручил.

Санаду, как это с ним часто бывает, предпочитает понять вопрос неправильно:

– Ну, за Нику я спокоен: она морально подготовлена к жительницам Терры. Тоже рыжая. И Клеопатра обещала её не помогать. А даже если начнёт, уверен – Ника отобьётся.

– Терра... Новая девушка с Терры?! – округляет глаза Эзалон.

– Да, была у нас девочка-белочка* с Терры, – Санаду тяжело вздыхает, – а теперь с Терры девочка с белочкой.

Поняв, что Санаду абсолютно серьёзен, Эзалон хватается сначала за голову, а затем за сердце.

***

Длинные-длинные рукава смиренной рубашки накручиваются вокруг меня, всё растут и растут – до бесконечности, превращая меня из приличной спеленованной психбольной в какой-то клубок.

Сразу понятно – сон. Да и в белой пустоте со мной висит Марк Аврелий в такой же смиренной рубашке. А на белок смиренные рубашки не надевают – я точно знаю.

Пора просыпаться.

Волевое усилие позволяет ощутить тело, окутанное чем-то мягким.

С ощущением тела возвращается способность им управлять. Открываю глаза.

Ну что ж. Для комнаты моего общежития здесь неоправданно роскошно.

Для палаты государственной больницы – тем более.

Шёлковые красные обои, две кровати с бархатными балдахинами (на одной лежу я, на другой читает длинное письмо заплаканная бледнущая рыжая девушка в старомодном платье). И хотя интерьер оформлен в дворцовом стиле, комната невелика. Тут же расположен обеденный стол, зона для готовки возле окна. Золочёная софа втиснута чудом. Но в целом – стильно.

Так вот ты какой, магический мир!

А я связана по рукам и ногам.

Уж попала, так попала...

Переноска с Марком Аврелием – на стуле рядом. В темноте за решёткой посверкивают две пары глаз.

Две пары?!

Моргаю и снова вглядываюсь в сумрак: одна пара глаз.

Привидится же!

Рыжая страдальца томно вздыхает на соседней кровати. Беззвучно шевеля губами, гладит кремовую бумагу письма. Утирает слёзы. Шмыгает носом.

Хорошо, я стрессоустойчивая, семьёй ко всякому подготовленная

– в истерику не впадаю. А хочется. Начинаю вежливо:

– Извини...

Девушка аж до балдахина подскакивает. Буквально. Она ненормально бледная. С красноватыми отсветами в глазах и маленькими вампирскими клыками.

– Извини, что отвлекаю, – продолжаю я. – Не могла бы ты меня развязать? Неудобно лежать. Ноги затекли и вообще...

– Прости-и-и! – девушка придавливает письмо к груди размера так седьмого. – Я забыла тебя развязать!

Слёзы льются по её щекам. Взгляд виноватый.

– Да ладно, со всеми бывает, – стрессоустойчиво соглашаюсь я. – Ты, главное, меня сейчас развяжи.

– Ах, да! – подскакивает она. – Это целебный кокон, обеспечивающий все нужды. Но ты в себя пришла, теперь он растает сам.

Девушка отходит к столу в углу за софой и убирает письмо в толстую кожаную папку с сердечками на уголках:

– Я же собиралась, должна была снять заранее! Но ты не закричала – это хорошо: значит, ничего страшного.

Ну это смотря с какой стороны посмотреть. Я бы лучше очнулась свободной.

Папку девушка бережно убирает в стол. Среди письменных принадлежностей там торчат перья. Вот рыжему хвостатому радости будет. Если нас выпустят.

Марк Аврелий раздражённо стрекочет в переноске, суёт мордочку между прутьями. Заперли бедненького, не дают свой порядок в комнате навести.

Путы «коккона» разогреваются и сжимаются. Внезапно тают, оставляя меня в джинсах, майке и носках-белочках.

Судорожно вдохнув, хотя так называемый кокон дышать не мешал, сажусь на постели и вновь оглядываю комнату.

Здесь слишком тесно для роскошной массивной мебели. В

изголовье и изножье моей кровати имеются двери. Одна напротив

окна, другая – на боковой стене. Зачем в этой тесноте софа – не понимаю, можно же и на кроватях посидеть, благо их две.

Сапоги мои лежат у кровати.

– Я Никалаэда Штар. Из Озарана, но подданная империи. Можно просто Ника. – От письменного стола она проходит к окну и ставит на тонкую пластину чайник. Золотой. – Я твоя соседка по комнате, меня попросили за тобой присмотреть. Надеюсь, мы подружимся. У меня где-то здесь печеньки и пирожки. Но ты их сама найдёшь, ладно? Я их не вижу сейчас. И не чувствую. И взять не могу.

Она всхлипывает, плечи подрагивают.

Так, кажется, пора отвлекать её разговором.

– Я Клеопатра Крузенштерн. С Земли... – Забираю неожиданно тяжёлую переноску со стула, перегораживающего дверь у изголовья, себе на колени и сквозь прутья решётки почёсываю мордочку. Когтистые лапки обхватывают палец. Ника всхлипывает громче, и я вежливо интересуюсь. – Что-то случилось?

В ответ сначала раздаётся всхлип. Затем шмыг. И жалобное-жалобное:

– Валя задерживается. А я даже пирожок съесть не могу. И печенюку тоже не могу – ди-е-та! А Валя завтра не приедет, потому что программу обучения не утвердили. А я так ждала, так ждала...

Потрясающе исчерпывающее объяснение завершается очередным трагичным всхлипом.

Вроде другой мир, а у меня ощущение, что из дома не уезжала.

– Ты не против, если твои вещи немного поворошат? Мне бы Марка Аврелия выпустить: он чем дольше в клетке сидит, тем разрушительнее на выходе. И ему нужна вода. Лоток. Орехи, семечки, фрукты, грибы, червяки или гусеницы.

Из переноски раздаётся странный чихательный фырк.

– Выпускай! – Оглянувшись, Ника, утирает слёзы и вымученно улыбается. – Но только без червяков. Еда тут... где-то. Воды в чашку нальём. Лоток... э-э, можно будет у мисс Глории заказать, а пока магией прибрать, если что. Я помогу.

Зажав замок, я раскрываю переноску. Марк Аврелий высовывает любопытный носик. Смешно им дёргает, принохиваясь.

– Гуляй, – я спускаю переноску на шёлковое с бисерным драконом

покрывало.

Изучающая территорию смелая белка – это оружие милоты, поражающее до полной отключки, поэтому даю Нике время пережить няшную атаку, а сама слезаю с кровати, обхожу расположенную по центру софу. Между обеденным столом и вторым письменным пробираюсь к окну и столешнице с тонкой плитой, на которой с тихим шипением закипает чайник. Очень-очень золотой на вид. А на подоконнике за ним лежат кульки с пирогами и пирожными.

За окном ничего особо примечательного и волшебного: дорожка парковая, деревья, здания в отдалении. Драконы не летают, оборотни в звериной форме не бродят, на газонах маги с палочками дуэли не устраивают.

– Какая прелесть! – Ника во все просохшие глаза смотрит на Марка Аврелия: он по-пластунски перебирается по бисерному узору и трясёт хвостом. – Ути какой лапочка! Иди ко мне...

Клиент готов.

Открываю дверцы под столиком для готовки: мука в плотной бумажной коробке, блюдо с яйцами. Кувшин молока. Пирожки. Печенье. Пирожные... Конфеты. Снова пирожки. Весьма странный набор для диетящейся, да и для вампира тоже. Или для неё меня приготовили, а это всё – мне? В меня столько не влезет, испортится же.

– Ника, ты людьми питаешься?

– Нет, конечно! Я законопослушный вампир! – она резко выпрямляет спину, но тут же расслабляется. – Ой! Ты смотри, смотри как он ушками шевелит!

Значит, продукты на двоих. Это хорошо. Надеюсь, вместо холодильника они какие-нибудь чары хранения изобрели, иначе будет совсем грустно...

***

К счастью пирожки разнообразные, находится и ягодный, из которого Марку Аврелию начинку выковыриваю. Только он слишком занят изучением обстановки. И в таком пищащем восторге от балдахинов, что даже на перья не реагирует. Ника влюблённо за ним наблюдает, охает, ахает и восхищается.

– Ой, какой милашка!

– Ой, как он смешно лапками перебирает!

– А он всегда так забавно двигается?

– А он на руках сидеть любит?

И это может продолжаться долго, очень долго. Поэтому, покончив с пирожками, громко спрашиваю:

– И что мне теперь делать?

Ника осознаёт вопрос с третьего раза:

– Так в административный корпус к господину Алоизу идти. – Она делает жалобные-жалобные глаза. – А давай, пока ты ходишь, я за Марком Аврелием присмотрю?

Марк Аврелий и без присмотра вполне обойдётся, но эти жалобные глаза с красными бликами, эти молитвенно сложенные руки...

– Ты белок ешь?

Ника отчаянно мотает головой:

– Я пирожки люблю. И печеньки.

– Ладно. Только объясни, куда идти, – соглашаюсь я.

– Тут недалеко, – торопливо произносит Ника, оглядываясь на ползущего по столбику Марка Аврелия. – Драконов в Академии нет, студенты на занятиях – всё в порядке будет. Дойдешь.

– А можно и не дойти? – настораживаюсь я.

– Да нет! – беззаботно отмахивается Ника. – В Академии теперь спокойно, не переживай.

Ну в самом деле, какие поводы для переживаний после похищения в магический мир? Никаких же!

– Ника, подробнее мне путь обрисуй.

Так через пять минут, снабжённая словесной инструкцией и кривой, второпях начерченной схемой (Нике от Марка Аврелия взгляд не отвести), я выхожу в большой волшебный мир.

* Речь о Валерии Белкиной, героине цикла «Попаданка в Академии драконов».

Глава 7

Волшебный мир не спешит сражать великолепием и награждать приключениями, наоборот: после роскоши комнаты коридор кажется слишком простым, под стать земному общежитию. Самое примечательное в этом удивительно обыкновенном здании – зеркало

во всю стену на первом этаже.

Снаружи интереснее: впечатляют архитектурой здания, их на огороженной замковой стеной территории много.

Но ни одного студента, словно вымерли все.

Путь до административного корпуса предельно прост: выйти на аллею, ведущую к общежитиям, дойти до центральной площади Академии, там он и будет.

На полпути к цели морозом по коже отдаётся звериный рык. Поворачиваю голову: практически на меня бегут волки, а за ними три медведя. Один ревёт, на ходу лапами когтистыми пытается ухватить переднего волка за хвост.

А в следующий миг я уже сижу на дереве, от меня на земле только сапоги зимние остаются, неведомо каким образом сброшенные без расстёгивания молнии. Подо мной два с половиной метра голого ствола, так что непонятно и каким образом я сюда забралась. А ещё не верила, когда подобные истории слышала!

Но сижу на ветке, обняв ствол, в ужасе, с зашкаливающим сердцебиением и непониманием, запоздало соображая, что...

Во-первых, медведи тоже лазают по деревьям, поэтому место спасения неудачное.

Во-вторых, хотя за стеной виднеется лес, в котором могут водиться мишки и волчишки, конкретно эта стайка может оказаться не залётными зверями, а оборотнями. Магический мир же!

Но на дереве как-то спокойнее.

Да и стая меня не замечает: впереди бегут четыре волка, за ними – три медведя, самый крупный из них рычит, а шествие замыкают три волка.

И они уже почти забегают за приземистое здание, когда замыкающий, оглядываясь, замечает меня на дереве и спотыкается. Восстановив равновесие, рыкает. Стая останавливается. Снова он то ли рыкает, то ли тьякает, – на таком расстоянии не разобрать, – и вся компания, позабыв о цели забега, трусит ко мне.

Выглядит жутко, несмотря на догадки об их разумности. Тут и пирожки с чаем на выход нижний грозят попроситься, хотя им ещё рано.

– Ребят, вы оборотни? – интересуюсь сразу на подходе. – Или петы?

Ребята окружают дерево. Поднимаются на задние лапы и превращаются в крепких парней с обнажёнными торсами, доказывая, что оборотни. А какие это торсы! Дух захватывает. У волков глаза остаются жёлтыми-жёлтыми, а у медведей, превратившихся в таких бугаёв, что запросто меня с ветки снимут, глаза кажутся очень тёмными из-за больших карих радужек. И на лица все симпатичные, как на подбор! А я тут такое яблочко наливное – вот-вот упаду. От шока.

– Вау, круто! – хвалю я.

– Ты что, оборотней никогда не видела? – интересуется опасно высокий медведик.

Мотаю головой.

– Из какой же дыры ты вылезла? – изумляется волк.

– А наличие оборотней – это критерий развитости и комфорта места обитания? – уточняю я.

Логичный вопрос у желтоглазого собеседника вызывает ступор.

– Ты бы с дерева слезла: Эзалон запретил их трогать. А если увидит, что ты не просто трогаешь, а залезла, начнётся такое... – другой волк закатывает глаза.

Остальные ребята передёргиваются. Видимо, любитель природы Эзалон может нечто действительно страшное устроить. Не друид ли он, часом?

– Ну, кто поможет мне слезть? – оценивающе рассматриваю медведей. Но вспоминаю, чем в фэнтези порой кончается незнание обычаев, и добавляю. – Принимаю только бескорыстную помощь без матримониальных и интимных планов.

– А что это без интимных? – во все зубы улыбается ещё один волк.

Делаю нарочито мечтательное лицо, закатываю глаза и сообщаю с придыханием:

– Потому что сначала я должна найти любовь всей моей жизни!

Дважды так отпугивала навязчивых кавалеров, но на третий раз метод даёт сбой. Может потому, что меня здесь не считают достаточно чокнутой, даже застав на дереве.

Волк продолжает улыбаться:

– Так, может, тебе настолько понравится, что я сразу стану любовью всей твоей жизни?

– А оно тебе надо? Чтобы я за тобой, таким молодым и ненагулявшимся, везде таскалась, истерики за любой взгляд в сторону устраивала, к другим девицам не пускала, хвост накручивала...

Улыбка сползает с волчьего лица:

– Пожалуй, нет.

– Вот и я так подумала! – Оглядываю медведей. – Ну, парни, кто здесь из вас настоящий мужчина, способный помочь девушке?

Все трое шагают ко мне. Но тот, что побольше, расталкивает конкурентов широченными плечами и встаёт под занятой мной веткой.

– Прыгай! – выставляет руки.

Ох и лапищи у него! В смысле, ладони большие.

Всегда было интересно, как оно по ощущениям, когда на руки ловят. А тут ещё такая гора мышц, что точно поймает и удержит.

Надо пользоваться случаем! А у меня решения с действиями не расходятся, так что падаю на руки.

Ну, что могу сказать... жёстко, больно, неудобно. Работа для каскадёров, короче. Но на землю меня ставят в целости и сохранности, только места удара о лапищи ноют. Была бы как Ника, наверное, оно бы помягче ощущалось.

– Спасибо! – запрокидываю голову, чтобы узреть оставшееся далеко вверху лицо медведика. – Не сочти за наглость и извини, если вдруг по незнанию традиций скажу что-то оскорбительное, но я всегда мечтала покататься на медведе. Не мог бы ты меня до главного корпуса на себе подвести?

И глазами хлоп-хлоп, невинно так.

Парни, хрюкнув, откровенно ржут, подопытный медведь в шоке.

– Прокати девушку, – его гигант-приятель хлопает мою потенциальную лошадку по плечу и складывается пополам от смеха. – Ты же мечтал, чтобы тебя оседлали!

Бедный мишка заливается румянцем до гривы тёмных волос:

– Я же не в этом смысле!

Так, разговор надо выкручивать в другое русло:

– Мечты не всегда сбываются в том смысле, какой мы

вкладываем, но не надо отчаиваться! Важно принимать дары судьбы в любом их виде, – сочувственно сообщаю я и, подняв руку, похлопываю медведика по локтю. Смотрю просительно. – Прокатишь? Очень хочется, и после испуга колени дрожат, ноги не держат. Боюсь, не дойду, а мне к Алоизу надо. Срочно.

Медведь, отступив, смотрит на мои ноги. Я демонстративно подёргиваю коленями, изображая дрожь.

– Харсан, соглашайся! – приятель опять хлопает мою потенциальную лошадку по плечу. – Нельзя отказываться, если судьба сразу исполняет твоё желание, иначе в следующий раз она останется к мольбам.

И снова парни ржут – все, кроме покрасневшего до ушей Харсана.

***

К площадке возле административного корпуса я выезжаю на медведе со свитой из двух медведей и семи волков. И пусть сопровождающие фыркают, рыкают, подвывают и иногда чуть не падают от смеха, всё равно чувствую себя крутой волшебницей. Нравится мне этот магический мир!

Дядек в мантиях, караулящих двери администрации, судя по вытянувшимся лицам, моё явление впечатляет. Жаль, со стороны на себя посмотреть не могу. Но, как говорят, лучшее зеркало – мужчина. А тут их сразу два стоят, глазки таращат.

Массивные створки распахиваются, и на крыльцо, что-то втолковывая тощему недовольному вампиру, выходит Санаду. Они как специально появляются, чтобы я уже на четыре «зеркала» оценила производимый эффект.

Я определённо бровозадирательна и глазоокруглятельна!

Глава 8

Несколько мгновений длится немое созерцание, но явление вампиров вынуждает охрану в синих мантиях изобразить невозмутимость. Санаду, оглядев мою притихшую свиту, начинает спускаться по ступеням, а его спутник, косясь на меня, семенит следом:

– Мой господин, нельзя же настолько манкировать своими обязанностями...

Глядя на меня, Санаду останавливает его речь нетерпеливым взмахом руки. И вампир, умолкнув, опять почему-то на меня смотрит. Мрачно так.

Харсан подо мной нервно перебирает лапами, и я успокаивающе поглаживаю мохнатую широкую макушку: не съедят же его, такого большого, эти вампиры.

– Что, решили всё же замуж? – интересуется Санаду, надменно оглядывая «лошадку» и сопровождение. – Кандидатов подбираете?

Ну вот всё бы ему удовольствие испортить: такое приключение, как попадание в другой мир, омрачил своими интригами, чуть не лишил меня учёбы в самой настоящей магической академии, теперь покатушки на медведе представляет в невесть каком свете, а мало ли на ком я ещё покататься захочу!

И, кстати, теперь мы на вы?

– Среди оборотней тоже можно выбирать? – картинно удивляюсь я. – Вы же мне только демонов предлагали.

Закашливается Харсан, остальные парни плотнее скучиваются за нами.

– Кого угодно можно выбирать, – нарочито любезно сообщает Санаду.

– Вы бы осторожнее с предложениями, – предупреждаю я. – А то и на вас кто-нибудь позарится. Когда-нибудь. А я нет, не жениха выбираю, – снова поглаживаю Харсана по макушке, тереблю неожиданно мягкие уши. – Просто общаюсь, наконец, с приятными местными жителями.

Спутник Санаду бегаёт взглядом от него ко мне и обратно, и губа вампира дёргается. У Санаду дёргается только бровь – демонстративно презрительно.

Он проходит мимо нас (оборотни при этом синхронно смещаются, чтобы мы с несчастным Харсаном их прикрывали).

Отойдя шагов на пять, спутник Санаду оглядывается, чтобы опять на меня странно посмотреть, а на десятом шаге продолжает недовольно:

– Мой господин, вы должны вернуться в кантон...

– У меня нет времени, – отмахивается Санаду, ускоряя шаг. Ответ его слуги тонет в слаженном выдохе оборотней.

– Пронесло! – выдыхает мишка, превратившийся в человека, чтобы занимать меньше места в укрытии, хотя этот бугай за два метра ростом и «меньше» понятия несовместимые.

– Удивительно даже, – соглашается волкооборотень, согласившийся с тем, что нам с ним взаимный интим противопоказан.

– Никого не тронул...

– А что, любит трогать? – тереблю уши Харсана. Не хочется слезать, от слова совсем. – Прямо всех?

– Даже королей и императора не боится... говорят, – с придыханием сообщает обратившийся в человека медведеоборотень, всё ещё не решаясь высовываться.

– Да Санаду у нас, оказывается, тот ещё шалун! – хмыкаю я. И в ответ получаю дружное:

– Тс-с-с!

Парни с ужасом косятся на охрану, Харсан проседает и так оглядывается по сторонам, словно прикидывает, куда бежать.

Что-то нервные они все, пора слезать.

Слезть нормально не успеваю: Харсан стремительно лысеет и превращается в парня, но остаётся на четвереньках. Так что сцена моего сидения на его спине приобретает новые оттенки смысла. Бедным охранникам трудно сохранить постные лица, но они стараются. Очень.

Харсан наклоняется, и мои стопы упираются в землю, тогда он бочком протискивается между ног и вскакивает.

– Приятно было познакомиться, но нам пора! – так же бочком-бочком Харсан отступает со своими приятелями. – Всего хорошего!

– Мне тоже было приятно, – машу им рукой, а оборотни припускают к углу здания.

За которым благополучно скрываются с удивительной резвостью.

Оглядываюсь: в отдалении стоит Санаду, слуга ему что-то объясняет, трясёт чёрной бумажкой, а скрестивший руки на груди Санаду косится в мою сторону. Ну и ему тоже машу рукой, а то с ним не попрощалась, как-то невежливо вышло.

И со спокойной совестью поднимаюсь на крыльцо-портик.

Охранники следят за каждым моим движением.

– Пройти-то можно? – уточняю я. – К Алоизу.

– Да, конечно, – левый охранник взмахивает рукой, из стены выныривает белый каменный диск и преграждает путь к дверям с ручками в виде драконов. – Руку приложи.

– Зачем?

– Да там внутри запутано всё, а путеводный камень метку поставит – и она тебя куда надо приведет.

Метку поставит – как-то у меня это с клеймом на животных ассоциируется.

– А без метки можно?

Охранники смотрят на меня с сомнением, но левый признаёт:

– Можно. Только под твою ответственность: если заблудишься, задержишься, заглянешь куда нельзя – сама отвечать будешь и наказание отрабатывать тоже.

Как всё строго.

– А наказание какое?

Охранники странно улыбаются.

– Туалет вымыть, – сообщает левый.

– Общественный, – добавляет правый.

– Пожалуй, рискну! – бодро решаю я. – Только объясните, как попасть на место.

Рассказ получается короткий, но путанный, приходится на пальцах запоминать повороты.

– Можешь проходить, – разрешает левый и собственноручно открывает дверь.

Какие они дружелюбные, не то что некоторые вредные вампиры.

Позади вспыхивает шум. Оглядываюсь: из соседнего здания высыпает студенты в разноцветных одеждах. А в другой стороне так и

стоит Санаду, и, вроде, искоса за мной наблюдает. Деланно отворачивается. А, может, мне показалось? Мало ли какие у него дела, вдруг он ждёт кого-нибудь, вот на дверь и смотрит.

– Благодарю, – улыбаюсь левому охраннику и прохожу в просторный холл.

Здесь полно картин: пейзажи, удивительные животные. Полная энтузиазма, я спешу пройти объяснённый на словах путь, пока не забылся. Да и отвлекаться тут не на что, самое интересное – резные ручки на массивных дверях да картины. Как-нибудь в другой раз полюбуюсь.

Возле нужных дверей оказываюсь минут через пять, стучу – и они сами открываются.

Искомый кабинет прост и строг: серые стены, мрачные картины, тёмное дерево мебели, массивные шкафы вдоль стен, а узкие стрельчатые окна забраны цветными стёклами витражей, из-за чего проникающий сюда солнечный свет кажется тёмным. В углу прислонена погрызенная огромная ветка.

Сияющая сфера висит практически над длинным столом напротив двери, за которым сидит, посверкивая жёлтыми глазами, оборотень в строгом тёмно-сером сюртуке. А жилетка и бант галстука – под цвет глаз.

– Здравствуйте! – взмахивая рукой. – Ника сказала, мне тут какие-то документы оформить надо.

– Не какие-то, а важные! – наставительно сообщает Алоиз. – Входите.

Ну, вхожу. А он достаёт из коробки на столе зелёный мячик и кидает в меня. Едва успеваю уклониться. Нахмурившись, Алоиз кидает в меня второй такой же мячик. С тем же плачевным результатом.

– Эй, я тоже могу чем-нибудь кинуть! – возмущённо сообщаю я, Алоиз скептически меня оглядывает. Ну да, в руках ничего нет, майка и облегающие джинсы не оставляют простора для метательного оружия, но я сурово добавляю. – Сапогом, например. У меня их два, и я меткая.

– Да это заклинание перевода письменной речи, болезнь! Наподобие того, благодаря которому ты можешь со мной

разговаривать! Как ты документы подписывать станешь, если не сможешь читать?

– И почему сразу болезнь? Это нормальная реакция на агрессию. Или у вас остальные благодушно воспринимают, когда их с порога обкидывают непонятно чем?

Неожиданно Алоиз опускает взгляд и смущённо почёсывает за ухом:

– Не знаю. Ты у меня первая иномирянка на подписании бумаг. Но! – он воодушевляется. – Я точно знаю, что Эзалон тоже заклинанием кидает. И ты должна была догадаться, что это, на тебя

уже накладывали подобное заклинание!

– Не накладывали. Или я этого не помню. А заклинания так
кидать – контрпродуктивно и
опасно для жизни и целостности лица.

Значит, этот страшный хранитель деревьев Эзалон тоже с
прибывшими работает, и если начинает с бросков в голову, не
удивительно, что после этого бедные люди хотят поскорее домой.

– Значит, так, – переходит на деловой тон Алоиз и достаёт ещё
один зелёный мячик. – Он последний,
так что подойди ближе.

Подхожу и наклоняюсь над стоящей на самом краю подставкой с
перьями и чернильницами. Смотрю на разложенные документы, но не
понимаю ни знака из покрывающих их закорючек. Алоиз медленно
подносит зелёный шар к моему лбу, и тот махом впитывается. Вот и
всё. Закорючки больше не кажутся непонятными, это – письмо.

«Прекрасная мисс, простите, что снова отвлекаю вас нелепыми
посланиями, но я не в силах выдержать ни дня, чтобы не...»

Так-с, кто-то личными делами на службе занимается. Я
усаживаюсь на стул:

– Где договор?

Алоиз выдаёт мне стопочку документов под говорящим названием

«Стандартный договор о взаимодействии с особями из непризнанных
миров».

Особь я теперь. Миленько.

Ожидаемо договор больше ограничивает, чем даёт: рассказывать о
технологиях мира нельзя, Академия – царь и бог, соректоры всегда
правы, но учить действительно обязуются, как и защищать – пока

остаёшься студенткой. Похоронить тоже в случае чего обязуются, но
претензий по поводу безвременной кончины не примут. Не нравится –
магию запечатают, и жди отправки домой. По духу – прямо кредитный
договор!

Подписываю.

Щекотное ощущение прокатывается по телу, на миг ускоряя
сердцебиение.

– Поздравляю, теперь вы полноправная студентка Академии
драконов, – Алоиз забирает листы и заглядывает в проявившуюся
после подписания шапку договора. – Мисс Клеопатра Крузенштерн с
Тер... с... с... – у заикающегося Алоиза дёргается жёлтый глаз. – С

Терры. Вы с Терры?!

– Если под Террой вы подразумеваете Землю, то да...

– С Терры! – у него натурально волосы дыбом встанут!

Вскакивая, Алоиз роняет собственное кресло и проносится к одному из шкафов, на ходу теряя листы моего договора. Я с любопытством наблюдаю, как он выискивает среди папок тонкие тетради, бормоча:

– В сокровищницы драконов залезать нельзя! Сейчас их здесь нет, но залезать нельзя! У драконов брать ничего нельзя! Трогать за хвост нельзя! В глаза смотреть тоже! – Наконец, Алоиз возвращается с охапкой тетрадок. Безумно таращась, рассыпает их на столе рядом со мной. – Это инструкции по общению с драконами, вампирами, оборотнями, эльфами, болотными гоблинами, големами Пат Турина и, на всякий случай, с гномами, хотя они тут не бывают, но мало ли. Пока не выучишь – из кабинета не выйдешь!

Глава 9

Кошусь на погрызенную палку в углу. У бедного волка, похоже, и так стресс, с пониманием надо относиться. А то ещё шерсть ползет, и я виноватой останусь.

– Только давайте чайку к этим инструкциям, – предлагаю я. – Вам чайку с мятой, а мне бы кофейку для концентрации внимания и улучшения запоминания. Можно с конфетками.

Сощурившись, Алоиз с подозрением смотрит на меня.

– Конфеток нет? – добавляю жалобности в голос.

– Есть, – тихо признаётся Алоиз.

– Ну вот и отлично! – С улыбкой берусь за тонкие тетрадки, скорее даже брошюры. Складываю их в аккуратную стопку. – Начать с драконов?

– М-м, да, – Алоиз, глядя в пол, неловко переступает с ноги на ногу. Похоже, стыдится всплеска эмоций. – А я пока чай и кофе закажу!

И он, подняв своё кресло, усаживается за стол. Касается браслета на запястье – Санаду делал так же. Может, это их вариация волшебной палочки?

– Совсем забыл! – Всё ещё смущённый, Алоиз вытаскивает из стола тонкий золотой браслет. – Это идентификационный браслет студента. Он позволяет связываться с магическим кристаллом Академии, получать оповещения, информацию о расписании занятий.

Защищает разум и тело. Жители непризнанных миров не привычны к магическому фону Эёрана, кристалл локально снижает магический фон обладателя браслета, пока тело не будет готово принять всю магию. Защита действует в пределах Академии, поэтому покидать её стены в ближайший месяц – опасно для жизни.

Алоиз подталкивает браслет ко мне. Тот выглядит простенько, вполне возможно, блестит позолотой. Но по весу на золотой похож. Надевая, уточняю:

– А разве мне не вредно было расхаживать без него?

– На вас ещё действует зелье, которое вы употребили при выборе.

Читайте.

– Да, конечно!

Перебираю тетради в поисках инструкции по обращению с драконами.

Они здесь самые привилегированные и сильные существа, управляющие большей частью суши, но в целом Алоиз суть правил общения выразил: не трогать, не смотреть, ничего у них не брать, на сокровища не покушаться. А так же не кричать, по фамилиям не называть, от драконов не бегать, ибо это пробуждает в них охотничьи инстинкты, если начали называть по укороченному имени – радоваться и не перечить, признают своей избранной – не сопротивляться.

Закрыв инструкцию, снабжённую многочисленными «нельзя»,

«ни в коем случае», «ни при каких обстоятельствах» и повторов этого всего, если с первого, второго и третьего раза не дошло, оглядываюсь на внезапно звонкий цокот.

Двери открыты, а ко мне бежит столик. Да! Натурально бежит на тонких резных ножках столик с чайником, вазочкой конфет, низкой фарфоровой чашкой и чашкой повыше с кофе и трубочкой. Я словно в

«Красавицу и чудовище» угодила!

Створки двери закрываются сами. Столик тормозит рядом со мной, я ловлю себя на том, что улыбаюсь до ушей, и причина не в чарующем аромате кофе.

– Какая прелесть! – Осторожно беру свою чашку, но она, похоже, просто чашка, по крайней мере, ни прыгать, ни петь не пытается.

Столик, напоследок обдав меня ароматом травяного отвара, цокает к Алоизу. Тот выставляет конфеты поближе ко мне, наливает себе чай. Живой столик отходит в сторону и замирает.

А я всё смотрю на него и смотрю...

– Это голем, – довольно поясняет Алоиз. Кажется, ему приятен мой восторг. – Магический. Управляется кристаллом Академии.

– Здорово! – Наконец, отмерев, делаю пару глотков. – М-м, отлично! Мне здесь нравится всё больше и больше! Особенно если кофе будет бесплатным.

– Питание студентов из непризнанных миров оплачивается из спецрезерва. Как и одежда. Помимо этого вам полагается довольствие на прочие расходы. После завершения оформления вы всё получите. А

сейчас читайте – у нас много дел, – Алоиз прихватывает сразу две конфетки.

***

За исключением мелких нюансов, инструкции повторяются и сводятся к «взгляд в пол, не спорь и не отсвечивай – ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах». Прямо правила поведения с господами для крепостного крестьянина. Причём на практике те же оборотни оказались не настолько заносчивыми, как можно подумать по инструкции. Наоборот – парни дружелюбные.

Вывод: правила составили какие-то перестраховщики. Или это дискриминация по признаку происхождения. Поэтому не стоит воспринимать написанное слишком серьёзно.

Надо лишь учесть, что у молодых оборотней от нервов бывают спонтанные трансформации и неадекватное поведение. А для вампиров оскорбительны вопросы о том, пьют ли они кровь. Ишь, нежные какие!

В силу одинаковости писулек пересказать их получается легко и быстро, Алоиз удовлетворённо кивает:

– Экзамен сдан, замечательно! – он довольно улыбается. – Надеюсь, ваше обучение будет спокойным и целостность Академии не нарушит.

Да ладно! Как может быть спокойным знакомство с магией? Это же восторг и феерия! А в остальном – я, конечно, люблю новые впечатления, яркость жизни всякую, но Алоиз видел стены вокруг Академии? А монументальность зданий оценивал? Я разве штукатурку на них поцарапать могу, и то не факт. Да и не представляю ситуации, когда бы мне надо было её царапать... если только написать «Санаду дурак»,
но смысла не вижу.

– Не замечала за собой склонности к разрушению, – уверяю я. – Наоборот, я скорее в сторону созидания.

– Замечательно, просто замечательно! Приятно иметь дело с такой понимающей и спокойной девушкой, – после литра травяного отвара и миски конфет Алоиз расслаблен и благодушен. – Мы все здесь хотим лишь
немного покоя.

Невольно кошусь на погрызенную палку в углу. Алоизу покой точно требуется.

– А теперь – самое главное! – Алоиз бодро поднимается с кресла и направляется к одному из шкафов. –
Определение магии!

Он забирает с полки коробку и благоговейно переносит на стол.

Снимает крышку. Улыбаясь, извлекает... хрустальный шар.

Прозрачный хрустальный шар, такие в переходах, бывает, продают.

– Око истины! – Алоиз торжественно водружает шар на стол передо мной. – Оно увидит потенциал, считает потаённые желания и предложит
оптимальный путь развития.

А по виду не скажешь, что это такая умная штука. Убрав пальцы от шара, Алоиз указывает на него:

– Просто коснитесь и ничего не бойтесь.

Эм... что за привычка ненавязчиво запугивать? Что Ника со своим подозрительным «дойдешь», то теперь Алоиз с ещё более подозрительным «не бойтесь». Мне перед тем, как вывих вправить, тоже говорили «не бойся», а потом у меня чуть глаза на лоб не выскочили.

Но шарик всё же трогаю.

И проваливаюсь в белый молочный туман.

Ну, сказали не бояться, я и не боюсь. Вишу в тумане. Он подкрашивается разными цветами, как дым на дискотеке, но без музыки зрелище так себе. Я бы предпочла что повеселее.

А затем меня резко вытягивает в чёрную дыру – вот этот головокружительный нырок прекрасен, но заканчивается слишком быстро, я вдруг оказываюсь сидящей в кабинете, руки подрагивают. И в целом как-то пошатывает.

Сферы нет, а вместо неё на столе, полоска за полоской, словно распечатка принтера, проявляется лист бумаги с надписями, и я читаю по
мере возникновения полосочек.

«Клеопатра Крузенштерн
Терра

Человечка

Боевая магия – невозможно корректно определить.

Стихии – 13 %

Щиты и печати – невозможно корректно определить.

Менталистика – 92%

Зрение магии – 4%

Трансформация – невозможно корректно определить.

Некромантия – 69%

Проклятия – невозможно корректно определить.

Гозтия – невозможно корректно определить.

Магия Нарака – 6%

Магия Эёрана – 94%

***** * ***** _ **%

Целительство – 9% (минимальное предположительное значение).

Заговоры – невозможно корректно определить.

Связь с природой – 30%

Бытовая магия – 34%

Артефакты и магоинженерия – невозможно корректно определить.

Алхимия – невозможно корректно определить.

Магкаллиграфия – невозможно корректно определить.

Магическая вышивка и плетения – невозможно корректно определить.

Итого:

Размер магического резерва – не определён.

Стабильность магисточника – 41%

Обязательно к изучению: менталистика.

Рекомендовано к изучению: некромантия.

Рекомендуемые профессии: невозможно корректно определить.

Допустимые профессии: дознаватель, некромант».

Вроде магический мир, а гаджеты тоже косячат. Или точность у этого «Ока истины» примерно как у хрустального шара. Может, не из перехода, а из магазина эзотерики, но около того.

Да и результаты не впечатляют. Некромантия – бр-р-р! Ментализм

– в чужих мозгах ковыряться не очень хочется, но лучше, чем с трупами возиться, так что буду изучать лишь то, что обязательно.

Алоиз забирает листок и, едва на него взглянув, хмурится. Читает и поглядывает на меня так, словно я в чём-то виновата. Страшном
виновата.

– Кхм! – Он почёсывает вдруг вздыбившиеся волосы. – Наверное, какой-то сбой. Сейчас принесу ещё Око.

Из кабинета Алоиз уносится быстро, возвращается тоже почти молниеносно – с двумя коробками:

– Это я так, на всякий случай, – поясняет он и выгружает на стол передо мной ещё одно Око истины.

Но и второе, и третье, поболтав меня в цветном тумане и выпустив через чёрную воронку, выдают один и тот же первоначальный результат.

А я уже есть хочу, и, судя по тому, что витражи потемнели, времени эти тесты занимают немало, поэтому, когда Алоиз поднимается со словами:

– Схожу-ка я за четвёртым!
Беру дело в свои руки:

– Простите, но я верю Оку истины: если оно не хочет что-то определять, значит, так надо. Предлагаю использовать те данные, что оно сочло нужным нам сообщить.

– Но, – Алоиз падает обратно в кресло, – так быть не должно.

Результаты неправильные!

– Разве Оку истины не виднее истину?

– Терра, – бормочет Алоиз, откидываясь на спинку кресла, и тяжело вздыхает. Косится на палку в углу.

– Если надо – погрызите, – предлагаю я.

И Алоиз сразу выпрямляется, берётся за три одинаковых листа.

Прочитывает их снова (хотя до этого раз пять уже каждый изучил).

– Кхм! – Не глядя на меня, Алоиз складывает их вместе, снова

просматривает, отчёркивая строчки заострившимся ногтем и едва заметно кривясь. – Зачисление на курс зависит от способностей. Если они выше пятидесяти процентов – обучение бесплатное, ниже – платно, но это не ваш вариант, да и проценты маловаты для достойного

результата... кхм. Значит, кхм, зачисляем вас на курс некромантии! – Он поднимает на меня взгляд и улыбается. – Поздравляю!

Так. Стоп. Какая некромантия? Я даже вперёд тянусь, чтобы заглянуть в список и удостовериться в твёрдости своей памяти, но Алоиз поспешно листы отдёргивает. Кстати, с обратной стороны надпись тоже есть: «Клеопатра Крузенштерн – менталист. Призыву не подлежит».

– У меня же менталистика обязательна к изучению, а некромантия

– нет.

Может, как некромант я ещё и призыву подлежать буду – мне такое не надо.

– Некромантия ваше призвание, – уверяет Алоиз.

– Да вон тут же написано, что я менталист! – обличительно указываю на листочки в его руках.

– С обратной стороны.

– С обратной? – Алоиз переворачивает листок, убеждается в моих словах и убирает результаты теста в стол. Делает честное лицо. – А с обратной стороны не считается!

Глава 10

Вот ведь козерог незодиокальный, фермерский! Смотрю на него пристально. Укоризненно так.

– Кхм! – смущённо втягивая голову, Алоиз опускает взгляд на руки, сцепляет их. – В отличие от той же менталистики, некромантия не требует нескольких лет обучения, а если захотите менталистику развить – потом можно в частном порядке обучиться.

– А я совсем не против на довольствии несколько лет пожить. И не вижу смысла платить за то, что должна получить бесплатно.

– А как же свобода и независимость? – Алоиз поднимает на меня взгляд.

– И потом меня как некроманта призовут... куда-то?

– Да нет, что вы! У вас же есть предрасположенность к ментализму! – поспешно отмахивается Алоиз. – Менталисты натуры слишком чувствительные, с тонкой душевной организацией, – он

застывает, словно вспоминает что-то, и встряхивает головой. – Кхм, не призывают менталистов в армию. Даже на сражение с Безымянным ужасом менталистов не призывали, а на него гребли всех подряд. Ну и чем вам не нравится некромантия?

Делаю такое же честное лицо, как у Алоиза недавно, ещё и ладони к груди прижимаю:

– Я трупов боюсь.
Секундная пауза.

– Вот и отучитесь их бояться! – радостно предлагает Алоиз. – Они же вам подконтрольные будут. И всегда можно их успокоить.

– Боюсь, – повторяю ещё более проникновенно. – Очень-очень боюсь трупов.

– Так они смирные... кхм, – Алоиз опять как-то подозрительно отводит взгляд. – Если о чистоте переживаете – то совершенно напрасно: заклинания и запахи уберут, и трупы подготовят, а с появлением рабочего зомби о бытовой составляющей профессии можно совсем забыть. С работой потом всё нормально: показания с мёртвых снять, зверей рабочих делать. Посмертие опять же

интересным может оказаться. У нас тут профессор Гирил, некромант, даже после смерти лекции читал!

Ага, то есть некроманты и на том свете не отоспятся. Антиреклама какая-то. Жизнь после смерти, конечно, хорошо, но только без работы.

А так вроде привлекательно звучит, но с какой стати меня выбора лишают?

– Менталистов недолюбливают, – добавляет Алоиз. – Быть некромантом престижнее.

Эти уговоры напоминают то, как Санаду убеждал меня домой вернуться. Что такого ценного в этой менталистике, из-за чего меня к ней не подпускают? Наверняка от чтения мыслей защита есть, так что речь не идёт о сверхоружии. Или сопротивляются, потому что я из другого мира? Что-то вроде дискриминации? Надо разобраться, в чём дело.

– Вы не понимаете, – стою на своём. – У меня фобия: я боюсь трупов. Из-за страха не смогу учиться, поручу вам всю статистику успеваемости!

Погрустневший взор Алоиза подсказывает, что подобная перспектива его пугает, поэтому давл:

– Представьте, я годами буду жить в Академии, всё не сдавая и не

сдавая

выпускные экзамены. Го-да-ми...

С каждым моим словом у Алоиза взгляд всё затравленнее.

Да-да, даже в кабальном договоре Академии есть пункты, которые можно трактовать в мою пользу – это их обязательство выпустить меня только на поруки мужу или грамотным специалистом своего профиля.

– А если влюбитесь и замуж? – с надеждой предлагает Алоиз.

– А если нет? Да и кто захочет жениться на безграмотной? Алоиз всплёскивает руками с заострившимися ногтями:

– Ну что вы так себя не цените? Да такая красавица даже безграмотная нужна, и ваше террианское происхождение на брачном рынке может стать огромным плюсом!

Может, я перечитала неудачных и даже кошмарных историй брачных эмиграций своих соотечественниц, но слова Алоиза немного напрягают: не умеющую колдовать чужачку намного проще ломать и гнуть под себя, чем местную профессиональную волшебницу, так что...

– Замужество меня привлекает ещё меньше, чем некромантия. А жизнь в Академии, да ещё на довольствии – чем не вариант? Особенно если у меня будет оставаться много времени, – последнее я тяну мечтательно. – Его же можно тратить всякими интересными способами, экспериментировать с магией. Должна же я научиться защищаться от трупов!

Алоиз сверлит меня мрачным взглядом, наверное, минуту, после чего с обречённым видом касается золотого браслета на своей руке.

Вытаскивает из стола три результата моей проверки Оком истины. Смотрит на них с сожалением. Приглаживает замаявшийся уголок, бормоча:

– Ну и чем вам некромантия не понравилась? Хорошая, уважаемая профессия. И работать по профилю не обязательно: во время обучения можно и другое призвание найти. Замуж, опять же. Одна наша студентка замуж за самого императора вышла! А другая – за наследного принца. Сдалась вам эта менталистика?

– Ну, вы же сказали, что менталисты нежные, с тонкой душевной организацией, моя тонкая и душевная не переносит трупы. Логично же?

– Зато некроманты могут личами становиться, а личи очень и очень уважаемы, их в любом человеческом королевстве с радостью примут ко двору, потому что они у людских правителей атрибут статуса.

Сомнительная перспектива стать статусным атрибутом, хотя...
если должность придворная, может, оно и неплохо? С другой стороны,
если их с радостью принимают, в
деле точно есть подвох. Или их мало.

– И многие ли некроманты становятся личами? – уточняю я.
Но Алоиз переводит взгляд на вход:

– Простите, что потревожил, но девушка просится к вам на
занятия.

Оглядываюсь.

Санаду стоит в дверном проёме, картинно и медленно заламывая
бровь:

– Что, решили всё же на меня позариться?

Ухмыляясь одним уголком губ, Санаду не сводит с меня
абсолютно чёрных глаз.

Значит, менталист.

Нежный.

С тонкой душевной организацией.
Ага.

Так и хочется укоризненно посмотреть в жёлтые глаза Алоиза и
уточнить, правильно ли работает их заклинание перевода.

А Санаду с самого начала не хотел моего появления здесь. И,
похоже, ещё и позаботился, чтобы я ему в студентки не попала. Пойду
наперекор – устроит мне «сладкую» учёбу, так что из учебников
вылезать не буду и на сон времени не останется.

Я, конечно, люблю яркие впечатления, но конфликт с Санаду
будет забавен только первые пару недель, пока пристреливаются
взаимные подколки, а, растянувшись на несколько лет, утратит задор и
интересность.

При этом технические проблемы некромантии решаются
заклинаниями. А если не понравится направление, можно опять
потребовать обучение по основному профилю – Академия обязана
меня подготовить.

Если этот «нежный и тонкодушевный» Санаду сейчас читает мои
мысли, пусть знает: «Не люблю самовлюблённых, заносчивых
мужчин!» И вообще «Санаду дурак!»

На его лице не дёргается ни единый мускул, сохраняя надменную
ухмылку.

Поворачиваюсь к Алоизу:

– Знаете, я, пожалуй, передумала. Поподробнее мне о некромантии расскажите: что, как, почём?

– Вы же боитесь трупов, – всплёскивает руками Алоиз. – Зачем же было?..

– Я вдруг поняла, что трупы... – неопределённо кручу ладонью, – довольно милы.

– Вы так быстро меняете мнение, – Санаду поцокивает языком. – Впрочем, это простительно столь юной девушке.

– Просто не хотела обижать вас отказом. Стать вашей студенткой,

– с наигранным сожалением отзываюсь я. – Но вы не дали мне возможности ответить вежливо. Впрочем, учитывая вашу тонкую душевную организацию и нежность натуры – простительно.

Переводивший взгляд с меня на Санаду Алоиз дёргается, словно в желании нырнуть под стол, но сдерживается. Глаза у него становятся

большими-большими и немного слишком выпуклыми.

Оглядываюсь, но ничего страшного за моей спиной не происходит: Санаду всё так же стоит в дверях, приподняв бровь:

– Позвольте узнать, откуда столь любопытная информация о тонкости моей душевной организации?

– Раз уж вы здесь! – подскакивает сливший дезу Алоиз и трясёт бумажками
Ока. – Тут результаты теста какие-то странные!

И лишь вскочив и выпалив это всё, съёживается, видимо, сообразив, что сам себя выдал. Я бы, кстати, не факт, что его сдала: один менталист не показатель.

Не сводя с меня пристального взгляда, Санаду спрашивает:

– «Невозможно корректно определить» по всем направлениям, в расчёте которых учитывается характер тестируемого?

– Да... – выдыхает Алоиз.

– Это индивидуальные особенности студентки, – Санаду полуоборачивается к двери. – Раз проблема решена, пойду я лечить свою тонкую нежную душу.

Икает Алоиз, встряхивает несчастными бумажками:

– Я ничего такого не говорил! Точнее, я не о вас, я в целом о менталистах, я...

Но Санаду отмахивается:

– Нет-нет. Тонкая душевная организация... это звучит! Люблю службу в Академии – всегда узнаю что-то новое, неожиданное. Пойду, поделюсь этими изумительными сведениями о собственной персоне, – Санаду говорит это легко, скорее посмеиваясь над ситуацией. – И больше не тревожь меня по пустякам.

Значит, я – пустяк. Понятно.

Санаду выходит в коридор, и двери за ним закрываются.

Алоиз бессильно падает в кресло. Смотрит на меня исподлобья.

– Вы правы, – киваю я. – Тонкая нежная душа, не иначе.

– Шли бы вы... вещи получать. И довольствие. – Сев ровно, Алоиз надевает маску типичного надменного чиновника. – После получения формы вы должны будете уничтожить одежду, обувь и прочие вещи из вашего мира.

– И чем вам Александр Сергеич не угодил? – я дёргаю майку с изображением классика.

Нарочитое спокойствие Алоиза лопается мыльным пузырьём:

– Положено так! Идите на склад. – Он хватается за голову. – Рабочий день уже кончился. Ладно. Идите спать, завтра утром всё получите. А я подготовлю ваше расписание.

Причём, выговаривает мне так, словно это я виновата в его желании трижды провести тест. Вот кому точно надо толщины души, а лучше нервов добавить. Даже жалко его. Почти. Поэтому ограничиваюсь нейтральным:

– До свидания.

Алоиз нервно вздрагивает. Махнув ему на прощанье, выхожу в тёмный коридор. Он освещён тусклыми фосфоресцирующими пятнами плесени на потолке.

Тихо... как в могиле. Ни скрипа, ни шороха, аж морозец по коже: антураж заправского ужастика.

За закрывшимися дверями, отсёкшими яркий свет кабинета, раздаётся подозрительный деревянный хруст. И утробное рычание, добавляющее очков хоррорности.

Судя по сумраку, рабочий день не просто закончился – уже ночь в права вступает. А у меня Марк Аврелий не кормленный под

присмотром малознакомой вампирши. Позади – ошалевший оборотень, впереди – тёмные запутанные коридоры.

И неизвестно, какие ещё приключения по пути в общежитие.

Глава 11

Тёмной-тёмной ночью, в тёмных-тёмных коридорах настоящей магической Академии... ничего жуткого, кроме атмосферы, нет. Не пасётся трёхголовый Пушок, не ведут странные беседы преподаватели, и студенты не устраивают дуэлей на магических палочках.

Тихо, как в могиле.

Поплутав немного, наконец, выхожу в холл, озарённый тусклыми отсветами уличных фонарей, проникающих сквозь стрельчатые окна. Толкаю массивные двери, лишь сейчас замечая, насколько легко и бесшумно они открываются.

На крыльце, спиной ко мне, стоит охранник в синей мантии.

– Добрый... – начинаю я.

– А! – взвизгивает охранник, отскакивает и, оступившись на краю лестницы, катится вниз.

Я и сделать ничего не успеваю.

Снова наступает тишина. На сей раз действительно мрачная-мрачная. С моего места не видно, шевелится охранник или нет... Вот ведь! Вдруг он шею свернул? А свидетелей того, что он сам грохнулся, нет... Но вроде некроманты могут сделать из него свидетеля в расследовании собственной кончины. Так, отставить мрачные настроения!

Шагаю к краю.

Охранник лежит на спине. Глаза закрыты, бледное лицо почти безмятежно, одна рука придерживает другую.

– Мужчина, вы как, в порядке? – мой голос тонок от нервности.

***

– Ты не поверишь, – сдерживая усмешку, Санаду по-хозяйски свободно и без стука заходит в кабинет Эзалона, – что я только что узнал!

Эзалон поднимает взгляд от документов. Энтузиазма коллеги он не разделяет: слишком много у него дел, и, в отличие от Санаду,

Эзалон не может от них улизнуть, сославшись на внезапные срочные

дела
этого самого кантона.

в своём кантоне за неимением

Да ещё и девушка с Терры своим появлением добавляет
организационных проблем.

Санаду плюхается в кресло для посетителей, вольготно
разваливается в нём и взмахом руки притаскивает из шкафа подставку
под ноги.

– И что же ты узнал? – интересуется Эзалон.

– Оказывается, я нежный, и у меня тонкая душевная организация!

– радостно сообщает Санаду. – Представляешь?

– М-м... и? – откровенно не понимает Эзалон и невольно
постукивает пальцами по папке с
документами.

– Тонкая душевная организация. У меня, – повторяет Санаду. –
Это Алоиз такое вывез.

Пожав плечами, Эзалон примирительно замечает:

– Не стоит обижаться на правду.

Губы Санаду дёргаются, и оставшаяся на них усмешка больше не
весёлая – натянутая.

– В смысле? – настала очередь Санаду не понимать.

– Что «в смысле»?

– Алоиз сказал, что у менталистов тонкая душевная организация,
Клеопатра решила, что у меня тонкая душевная организация. У меня.
Это же забавно. Но это неправда.

Гнуть брови Эзалон умеет не хуже Санаду – столетия общения
сказываются. Эзалон почти деликатно интересуется:

– Как же неправда, если ты девушку обучить не можешь только
потому, что она – рыжая?

– Могу, но не хочу. Это разное. И у меня не тонкая душевная
организация.

Эзалон с великим трудом сдерживает улыбку, но Санаду замечает
её отблески и резко поднимается с кресла:

– Да ну тебя, скажешь тоже! А студентка ещё и некроманткой
оказалась, так что незачем ей на мои уроки ходить и провоцировать
конфликт магий.

На этот раз Эзалон улыбку не сдерживает, ведь несовместимы только некромантия и вампиризм из-за конфликта богов, а не сами носители способностей. О чём Эзалон и напоминает:

– Конфликт некромантии и вампиризма не помешал тебе общаться с Огнадом, а он был не просто некромантом – личем.

– Ну что ты сегодня вредный такой? У тебя закончился абонемент в любимом заведении, теперь энергию девать некуда, а деньги ты на пожертвования Академии спустил и на мне отыгрываешься?

– Нет, просто кое-кто отлынивает от составления программы, а демоны ждут.

Санаду скептически смотрит на папки на его столе:

– Прими первый попавшийся план обучения и всё. Это же пробная программа, всё равно корректировать придётся.

– Я понимаю, что тонкая душевная организация мешает тебе работать с документами... – наигранно сочувствует Эзалон, и Санаду качает головой:

– И этот демон обвиняет меня в ребячестве?

– Давно известный факт: вампиры морально взрослеют ещё медленнее драконов. Так что все привыкли.

– Пф! – Санаду изображает оскорблённую невинность, хотя прекрасно знает, что и как о нём думает большинство обитателей Академии. – Если у тебя так много нерастроченной энергии, пойдём на полигон разомнёмся.

Эзалон оглядывает документы перед собой. Прибытие юных сородичей его тревожит: демонов воспитывали в ненависти к Эёрану, а теперь, после заключения мирного договора, от первых контактов зависит очень многое. Ему же, как давнему переселенцу, поручили самое сложное: молодняк с его гормонами и юношеским максимализмом. И это теперь, когда ректор – могучий дракон, способный потрепать даже принцев – покинул Академию, оставив её на двух соректоров.

Так что боевые навыки, как предполагает Эзалон, могут пригодиться, очень даже пригодиться, тренировка не помешает. Да и террианка способна добавить потрясений.

– А давай! – Эзалон захлопывает папку и аккуратно раскладывает

документы.

Санаду, склонив голову набок, о чём-то размышляет. И даже не поторапливает, пока Эзалон вручную возится с наведением порядка.

Удовлетворившись видом прибранного стола, Эзалон поднимается и забирает из шкафа сюртук, не нарушая задумчивости коллеги.

В молчании они выходят в тёмный коридор с фосфоресцирующими на потолке остатками магического плюща. После битвы с Безымянным ужасом он уполз, оставив административное здание без хорошего ночного освещения, а Эзалон до полного исчезновения светящихся остатков растения не собирается платить специалистам за размещение автоматических светящихся сфер.

Неспешное продвижение к выходу нарушается далёким отчаянным вскриком. У Эзалона падает сердце: опять в Академии беда! Только бы обошлось без восстания зомби и тотальных разрушений.

Оба соректора бросаются вперёд, вниз по лестнице. Санаду буквально исчезает в смазанном броске, Эзалон, чтобы не отставать, трансформируется – распадается на чёрные нити и молниеносно перетекает в холл у входа.

Санаду замер в дверях, и Эзалон проскальзывает мимо, застывает размытой фигурой из чёрных нитей с красными всполохами глаз.

На крыльце, спиной к ним, стоит девушка. Копна рыжих кудрей блестит в свете фонаря.

– Мужчина, вы как, в порядке? – тоненько спрашивает она, сходит на пару ступеней.

Одежда у неё странная. Не местная. И она никак не ощущается, словно её нет – так воспринимаются существа под абсолютом.

«Террианка. Проблемы. Катастрофа!» – проносится в мыслях Эзалона, и он слишком резко спрашивает:

– Что здесь происходит?

Вздрогнув, девушка разворачивается. Глаза её распахиваются шире. Она покачивается. Эзалон выпрастывает нити, собираясь её поймать, но метнувшийся на перехват падающей девушки Санаду его задевает, нарушая траекторию движения нитей и сам в них путаясь.

Так и не подхваченная девушка падает, приземляется с

судорожным кряком. Каким-то слишком басовитым. Высвободив Санаду из нитей своего расслоившегося тела, Эзалон возвращается в человеческое обличие и заглядывает через край крыльца.

Девушка лежит на новеньком охраннике. Круглые от изумления глаза парня подозрительно блестят.

– Я таки склонен полагать, что вы собрались замуж! – Санаду суёт руки в карманы. – Ничем иным не могу объяснить ваше постоянное пребывание на мужчинах.

Эзалон закатывает глаза: опять его будут осыпать слёзными жалобами на высказывания Санаду. Но девушка удивляет его неожиданно бодрым:

– При каждой нашей встрече вы говорите о замужестве, – рыжая приподнимается на притихшем новичке и смело смотрит в лицо Санаду. – Невольно возникает ощущение, что вы сами то ли жениться хотите, то ли замуж, то ли тут инициатива должна исходить от женщин, и вы ждёте, что я сделаю вам предложение. Как честная девушка вынуждена предостеречь: на последний вариант не рассчитывайте.

«Нет, они так просто не разойдутся, – с ужасом осознаёт Эзалон. – Даже если Санаду не будет её учить – не разойдутся: Академия слишком тесна».

Глава 12

Санаду со своими придирками помогает взять себя в руки. Ну, в самом деле: это магический мир! Не надо шарахаться от всех и всего подряд. Особенно когда стоишь на ступенях лестницы. Даже если увиденное страшнее любого кошмара, в итоге оно может оказаться вполне милым дедушкой.

Вот уж кому точно можно в фильмах ужасов играть без грима.

– Простите, что напугал, – вступает в разговор этот самый дедушка, недавно бывший сотканной из нитей тьмы хренью с алыми всполохами глаз. – Для жительницы немагического мира моя боевая форма выглядит несколько... пугающе.

– Она и для жителя магического мира выглядит не лучше, – возражает Санаду, всё так же сверху глядя на меня. – И не переживай за эту юную мисс: её самомнение намного больше и страшнее твоей боевой ипостаси.

– Да не переживайте вы так, – улыбаюсь я и слезаю с притворяющегося ветошью охранника, – и на вас кто-нибудь когда-нибудь внимание обратит. Хотя, если возникли проблемы, я на вашем месте подумала бы о смене тактики. Какая-то она не впечатляющая.

– Возможно потому, что у меня нет цели вас впечатлить.

– Ну и слава Богу! – Одёргиваю майку. – А то я уже почти испугалась.

– Брак с архивампиром даёт право на вампиризацию, – шепчет суфлёр. Точнее, охранник, немного выходя из прежней роли. – Это очень престижно.

И так смотрит на Санаду, словно мечтает о столь великой чести. Правда, когда Санаду, приподняв бровь, удостоивает его взглядом, парень закатывает глаза и демонстративно обмякает в обмороке. Я его энтузиазма не разделяю:

– И что хорошего делить вечность со странным типом, который даже мысли нормально выразить не может?

– А... – открывает рот Санаду, но старичок хватает его под руку и дёргает в сторону.

– Идём, – старик тянет сильнее. – Иначе вы тут до утра будете колкостями обмениваться, и если тебе ночные бдения по вампирским силам, мисс надо отдохнуть, к новому месту жительства адаптироваться.

Видимо, последний аргумент действует, потому что Санаду всё же сходит с места.

– Судя по активности, этой мисс отдых не требуется. Но ты прав, из нас двоих взрослый и разумный я.

– Просто только сейчас об этом вспомнили, – добавляю я и машу рукой в ответ на сужение тёмных глаз. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – старичок недовольно качает головой и под ручку уводит Санаду на площадку перед зданиями.

В свете фонарей они размазываются тёмными силуэтами и ускользают в пространстве между готического вида зданиями.

Всё же эффектно магия выглядит.

Охранник лежит на земле расслабленно, прикрыв глаза, будто в обмороке. Шёпотом интересуется:

– Они ушли?

– Да, обморок можешь больше не изображать, свалил клыкастик.

– Ты о Санаду плохо не говори, – парень, побряхывая, встаёт. –

Никогда и нигде: узнает. И отомстит.

– А потом забудет и ещё раз отомстит?

– Ты откуда знаешь? – отряхивающий мантию парень, не разгибаясь, запрокидывает голову, чтобы посмотреть на меня.

– Да бывают такие, – отмахиваюсь я. – Ничего, как-нибудь переживу.

Образование это, конечно, сила, и Академию они в договоре самой лучшей называют, но я здесь ненадолго, зачем бояться обычного преподавателя, пусть даже вампира? Самая страшная его власть закончится за территорией учебного заведения. Почему-то мне кажется, что с таким скверным характером благодарных студентов, готовых поддержать его мелкую мстю мне после выпуска, не найдётся.

Невольно зеваю. Печально сжимается живот. Пора в общежитие возвращаться, может, там Марка Аврелия уже кастрировать хотят за изъятие всякой мелочи, потому что он хоть и белка, но тако-о-ой

хомяк.

– Кстати, – окликаю я поднимающегося на крыльцо охранника. – Тут криповые ужасы вроде этого деда в каком количестве по территории бегают?

– Один пока, – отвечает парень и, развернувшись, улыбается. – Ты из другого мира?

– Да. А какова вероятность встретить настоящего медведя или волка, а не оборотней в их звериных ипостасях?

– Нулевая, – поясняет он. – Территория огорожена, защищена магией. Раньше Академия драконов вообще считалась самым защищённым местом в мире, но сейчас уже никто ни в чём не уверен, так что по пути в общагу поглядывай по сторонам, мало ли что.

– Спасибо за предупреждение. Спокойного дежурства! – киваю я и выхожу на центральную площадь, чтобы свернуть на аллею к общежитию.

Дорожку ярко освещают фонари, вдалеке здания женского и мужского общежития весело сияют окнами. Немного прохладно, и я зябко обнимаю себя руками. Но в целом – здесь спокойно, хорошо.

Я уже миную небольшой перекрёсток на полотне аллеи, когда сбоку раздаётся шуршание. Там, в глухой темноте, мерцают слабые огоньки. Подрагивая, приближаются. Ещё пара мгновений, и в круг света выходит процессия из фигур в тёмных балахонах...

Большинство таинственных личностей в чёрных балахонах

идёт... как-то дёргано. Это не поступь пьяных, но что-то очень знакомое...

Зомби!

Присматриваюсь: ну, точно! Товарищи в балахонах дёргаются, как зомби из ужастиков.

На всякий случай кошусь на деревья по сторонам дороги. Как показывает практика, в случае опасности я могу проявлять чудеса ловкости.

Процессию, кажется, возглавляют двое живых – идут слишком уж нормально.

Пятнадцатый по счёту и предпоследний в шеренге зомби при переходе с тротуара на камень аллеи спотыкается о край и беззвучно падает на идущего впереди. Тот на следующего – и так далее: вся цепочка за несколько секунд, словно выстроенные фишки домино,

грохается на землю под девичьи ругательства с поминанием Бездны и проклятого Нергала.

Пергаментная кожа бессильно дёргающихся рук подтверждает подозрение, что часть балахонных – зомби.

– Ты во-обще зом-мби управлять уб-меешь? – гундосит вмазавшаяся лицом в газон девушка.

– Да он бракованный! – отвечает павшая на неё коллега.

– Если бракованный, зачем его взяла? – первая, взбрыкнув ногами, выталкивается вперёд и, откинув капюшон, прижимает руку к кровоточащему носу.

– Какого получилось стащить, такого и взяла! – её подружка кособоко встаёт на колени, зажимает бок. – И не надо было лягаться, больно же!

– Надо зомби лучше управлять, больно же!

– Сама виновата! Я говорила: пожиже надо идти, а ты «плотный строй лучше смотрится, плотный строй лучше смотрится»!

Шли зомбики и девушки со свечами. В большинстве своём огарки отлетели в стороны, но три балахона занимаются пламенем. Их мёртвые, но не покойные обладатели игнорируют угрозу, продолжая неловко барахтаться на земле.

Зло смотрящие друг на друга девушки замечают пожар и одновременно охают.

– Туши! – вопит некромантка с разбитым носом.

– Не могу! Я не стихийник!

– Да нас за порчу пособий убьют!

– Доброй ночи, коллеги! – приветствую я, отвлекая девушек от паники. – Накройте пламя балахонами, должно помочь.

Несколько мгновений, потраченных на созерцание меня – и огонь охватывает уже пять балахонов. Зомби полыхают молча, продолжая бесполезные движения конечностями, и это выглядит жутко. Последний зомби так и стоит на границе аллеи, подёргиваясь, словно зависший робот.

Наконец, треск пламени и его разрастание вынуждает девушек к действию. Стянув балахоны с чёрных платьев, они бросаются к зомби и накрывают их тёмной тканью. Пламя сразу проседает, но по краям накинутых балахонов прихватывается жадными оранжевыми языками. В воздухе плывёт резкий, одуряющий запах трав.

– Нас убьют, убьют, убьют, – причитает девушка с повреждённым носом, стаскивая балахон с крайнего зомби.

– Не надо было брать пособия! Не надо!

Её подруга лишает единственной одежды следующего зомби, но огонь слишком разгулялся, простыми балахонами дело не решить. Рекомендую:

– Расцепите их, чтобы соседние не загорелись!

Слишком уж растерялись эти некромантки. Зомби они растаскивают не повелительным приказом, а вручную, кряхтя и обливаясь потом. Пять загоревшихся вспыхивают ярче. От них разлетаются в сторону цветные искры, удушающе пахнет горечью трав. Глаза щиплет и в горле першит, я поспешно отступаю от дыма.

Вовремя: водопад обрушивается с тёмных небес, заливая полыхнувшее фиолетовым пламя. Задевает и некроманток, окатывает знатно, распутывая причёски и смывая косметику. Выглядят девчонки неважно, этикие попавшие под дождь кошки. И смотрят на меня... зло, словно это я виновата. Или просто раздражены тем, что я их в таком непотребном виде застала?

Мда... ну и знакомство с коллегами. Старательно сохраняю серьёзное выражение лица, собираясь пообещать молчать, как рыба об потолок, но из темноты выныривает охранник в синем плаще – суровый строгий дядька:

– Так, опять несанкционированное паломничество?

– Санкционированное, – возражает пострадавшая носом, – лабораторная у нас.

– Неправда! – доносится из темноты раздражённый голос. Первым в свете появляется резной посох с человеческим черепом в навершии. Затем выступает и его хозяин: белобрысый мужчина неопределённого возраста. – Тему лабораторной я не одобрил.

Вторая некромантка, не пострадавшая лицом об землю, блестя глазами, выступает вперёд:

– Теоретически, постоянные ритуальные призывы...

Посох некроманта щёлкает челюстями, сам некромант, кривясь, перебивает:

– Довольно! Лучшие умы Эёрана работали над этим вопросом. Считаете себя умнее их? – голос полон ядовитого презрения, опускающего плечи девчонок.

Это, получается, у них тут научный спор, юные учёные пытаются доказать свою теорию поперёк научного руководителя? Могу им только посочувствовать.

Некромант продолжает с явным удовольствием их гнобить:

– Или полагаете, ваши мольбы разжалобят великую и всесильную Магарет? Думаете, ваш призыв сильнее призыва жены? Считаете себя настолько особенными?

Научные темы у них такие волшебные-волшебные: мольбы, призывы...

– Но жена профессора – целительница. – Девушка отступает на шаг. – А мы некроманты, имеем право взывать к богине, профессор Огнад наш наставник, связь...

– Я ваш наставник! – некромант кривится сильнее, в его тёмных глазах – ненависть, губы сводит в презрительном изломе. – Радуйтесь, что вам посчастливилось знать благословлённого богиней, но прекратите устраивать по ночам этот балаган! Ещё и с порчей имущества! Вы хоть представляете, что с нами всеми Эзалон сделает?

Вытянувшиеся лица окружающих отвлекают меня от осознания научного упоминания божественного благословения: судя по выражениям, страшилка некроманта впечатляет всех. Даже охранника, оглянувшегося по сторонам и начавшего манёвр ягодичного отступления в сумрак.

Да и у меня возникает не иллюзорное желание раствориться в темноте ночи – а то вдруг и мне на фисташки достанется? Узнает ещё

этот Эзалон, что я по деревьям лазила...

Всего лишь маленький шаг назад – и череп на посохе разворачивается, направляя на меня вспыхнувшие фиолетовым глазницы.

Глава 13

Некромант при этом сурово взирает на провинившихся мокрых девчонок. Эксперимента ради шагаю в сторону – череп поворачивает за мной. В другую – опять поворачивается. Ещё шаг в сторону – и опять череп прокручивается на посохе. Интересно, а если обойти кругом, он на все триста шестьдесят градусов развернётся?

– Стоять! – приказывает некромант.

Я шагаю ещё в сторону – черепушка крутится дальше.

– Да стоять же! – некромант ударяет посохом об землю, и я, наконец, поднимаю взгляд на его лицо, останавливаю на гневно раздувающимся носе.

– Это вы мне? – уточняю на всякий случай: вдруг он зомби
приказы раздаёт?

– Да, – цедит некромант сквозь зубы.

Ух, какой нервный, расстроенный. Поэтому начинаю с комплимента:

– Симпатичный у вас череп. – Любопытство молниеносно берёт верх. – А он разговаривать умеет? Самостоятельный? На сколько градусов разворачивается?.. И ещё: это добровольное донорство или как?

Ещё интересно, о чём таком они разговаривали, но это лучше
выяснять не у этого мужчины и не сейчас.

Становится тихо-тихо: не дрыгаются зомби, не сопят девчонки. Все смотрят на меня, даже почти смывшийся охранник, чей силуэт
смутно прорисовывается в темноте.

– Я что-то неприличное спросила? – искренне интересуюсь я. – Если да, то простите, мне инструкцию по общению с некромантами не выдавали.

Сверля меня взглядом сквозь мрачный прищур, некромант ощупью касается запястья. Взгляд его на несколько мгновений расфокусируется, потом становится каким-то... оценивающим, что ли? Некромант осматривает меня от макушки до ног, медленнее
проходится в обратном порядке, задержав взгляд на Александре

Сергеевиче (а может, и не на нём), шее, останавливается на лице. Аж мурашки холодком пробегают между лопаток.

– Так о черепах спрашивать нельзя? – уточняю повторно.

Некромант, оглянувшись на валяющихся зомби, ближе подступивших друг к другу девушек, морщится. Девушки мужественно вздёргивают подбородки. Некромант резко поворачивается ко мне:

– Позже всё узнаешь, а сейчас возвращайся в общежитие. Мне надо кое-кого наказать.

Последнее получается многообещающе, и девчонки грустнеют.

Но правила нарушать надо умеючи.

– Спокойной ночи, или что тут принято желать некромантам, – взмахивая рукой и обхожу следящих за некромантом девушек, по газону огибаю безвольно лежащих зомби.

Череп на посохе проворачивается, провожая меня сияющими глазницами.

– Ну, что стоите? – недовольно спрашивает некромант. – Поднимайте зомби и ведите на склад. И готовьтесь компенсировать испорченные пособия!

Сзади раздаётся шуршание. Звуки падающих тел...

– Не позорьте имя своего обожаемого наставника, – злится некромант. – Впрочем, уже опозорили: никакой техники, никакой филигранности в управлении. Чему вы учились? Зачем такой позор держали на курсе? Вы же не иномиряне какие-то, чтобы вас здесь при любой степени криворукости учили. Соберитесь, убожества, я хочу видеть в своей группе некромантов, а не всякие недоразумения.

Ну и кто так мотивирует? Не нравится техника исполнения – объясни, как делать. Или не объясняй, но зудеть под руку точно не надо!

Отойдя на приличное расстояние, оборачиваюсь: девушки машут руками над зомби, те снова неловко пытаются подняться, то и дело падают.

Некромант следит за процессом. А вот череп на его посохе следит за мной.

Посмотрела на коллег в естественной среде обитания. Надеюсь, это не единственный некромант в Академии, и я попаду не в его группу.

С этой мыслью ускоряю шаг. За время моего вынужденного простоя многие из окон общежития погасли, но у нашей с Никой комнаты (если правильно оцениваю положение) окно весело светится. Надеюсь, Марк Аврелий ничего не натворил.

Дверь в общежитие, несмотря на поздний час, открывается свободно. Никаких сердобольных вахтёров, готовых объяснить, насколько ты не права, возвращаясь в столь неурочный час, тоже нет.

Никого не встретив, поднимаюсь на второй этаж, минуя коридор. Мысль о ключе не успевает прижиться – я берусь за дверную ручку, и створка бесшумно открывается.

В комнате тесно от рассеявшихся по всем доступным плоскостям девушек в старомодных платьях.

На обеденном столе каким-то чудом держится полутораметровая гора разномастных орехов, увенчанная Марком Аврелием. Он распластан на ней в нелепой попытке объять необъятное, глаза вытаращены от невероятного беличьего счастья. Ну да, обычно его горочка орехов ограничивается пакетом на пару кило, а тут мешка два.

– Добрый вечер, – здороваюсь я.

Девушки дружно вздрагивают и оглядываются на меня.

Удивлённо и неодобрительно.

Прямо картина маслом: алтарь, снизошедший за подношениями бог и его ревнивые адепты, недовольные появлением чужака. Готовые этого чужака растерзать.

Весело затрещав, Марк Аврелий срывается с горы орехов (героический подвиг!), под цокот падающих орехов перескакивает на софу. Под умилённое «Ах!» перепрыгнув через сидящих на ней девушек, стремительным росчерком проносится по полу. Маленькие лапки цепляют мою одежду, всего миг – и Марк Аврелий устраивается на плече, под прикрытием рыжих кудряшек. Пушистый хвост обвивается вокруг моей шеи тёплым щекотным шарфом, коготки покалывают щеку.

И тем контрастнее взгляды девушек: на Марка Аврелия – восторженные. На меня – колко-неприятные.

– Кому и когда я успела на хвост наступить? – спрашиваю прямо. Простой вопрос вызывает волну потупленных взоров, пробуждающих во мне зверя. – Надеюсь, товарищи волшебницы, никому в голову не пришла дурная мысль отжать мою белку?

– Он тебя очень любит, – только что перепрыгнутая Марком Аврелием девушка на софе дёргает себя за локон. – Если забрать – будет скучать. И вредничать. Питомцы, они такие... могут доставить немало проблем.

Девушка возводит очи горе. Её соседка по посадочному месту, кивая в такт последним фразам, с трудом сдерживает улыбку, аж губы кусает, чтобы не засмеяться.

Сидящая в изножье моей постели гостья с русой косой наставительно добавляет:

– И хотя мы могли бы воспользоваться ментальными способностями, чтобы его переманить, не надо верить глупым слухам, мы ничего подобного делать не станем.

– Защиты академического браслета вполне достаточно, – строго произносит сидящая рядом с этой русоволосой шатенка. – Нет никакой нужды использовать абсолютный щит, это нам очень неприятно.

– Очень-очень, – соглашается девушка, сидящая за обеденным, заваленным орехами столом напротив Ники. – Не надо такого демонстративного недоверия, мы так просто в головы никому не залезаем.

О чём они? Какой абсолютный щит? И, получается, они все – менталисты? Как Санаду.

– Ой! – Ника нежно розовеет до корешков рыжих волос. – Забыла сказать: это не амулет, это, скорее всего, спонтанный щит. Клеопатра не специально так.

Выражение лиц мгновенно меняется, взгляды становятся заинтересованными, какими-то даже сочувствующими.

– И что я делаю не специально? – осматриваю толпу по очереди.

– Абсолютный щит, – брюнетка, сидящая в изножье Никиной постели, смотрит на меня очень пристально, – экранирует эмоции и мысли того, кого защищает. Мы, менталисты, привыкли чувствовать всех живых вокруг. Даже не специально, неосознанно, но хотя бы немного чувствовать. Поэтому появление неощутимого существа

нервирует своей неправильностью. Как будто разговариваешь с мебелью.

Была бы обидчивой, впечатлилась бы сравнением с мебелью. А так... ну, наверное, хорошо, что щит есть: обычные люди никаких проблем при общении со мной не испытывали, здесь тоже всё в порядке было, пока эти не появились. Зато никто в голову не залезет.

Я с трудом подавляю зевок, и заметившая это брюнетка щурится

сильнее, неодобрительно так:

– Иногда возникает спонтанно у необученных менталистов как способ защиты сознания.

Это пояснение только подтверждает мою теорию: хорошо, что щит есть.

– Спасибо за пояснение. Но, дев... – оглядываю их старомодные платья, – леди, не пора ли на боковую? Или у вас намечаются ночные бдения? Если да, то лучше в другом месте. За орехи, кстати, тоже спасибо.

Если гости слопали все запасы провизии, пока меня не было, – Марка Аврелия раскулачу.

Все на меня и так смотрели, поэтому удивлённые взгляды впечатления не производят. Ну в самом деле – у меня тут случился глобальный переезд, на дворе ночь, отдыхать пора, а девушки набились, как селёдки в бочке. Да и не первая это команда заглянувших посидеть, на белочку посмотреть в моём опыте проживания в общаге.

– Смотрю, адаптация идёт полным ходом, – замечает пояснявшая про щит брюнетка и поднимается.

– Да, на нуждающуюся в утешении не похожа, – едва ли не с укорицей замечает сидящая рядом с ней на кровати девушка.

Ну, извините, что не рыдаю в подушку, убиваясь о покинутой Земле – бессмысленное это занятие.

– Так даже лучше, – русоволосая, наоборот, улыбается. – Лучше же, когда спокойно всё воспринимается.

– Меня зовут Айлис, приятно было познакомиться, – царственно произносит стоящая брюнетка и шагает ко мне. – Желаю сладких снов.

Платья у них без кринолинов и каркасов, давят скорее аристократичным видом, но в этой тесноте кажется каким-то неправильным протискиваться мимо девушек, подставляя под носы

свой затянутый джинсами филей. Так что приходится мне, вплотную разминувшись с этой Айлис, отступить к двери в туалет с ванной.

Следом за ней тянутся на выход и остальные, на прощанье представляясь. Запомнить всех сразу даже не пытаюсь, но в круговерти непривычных имён легко запоминаются не рыжая, а белокурая Гелла – потому что отсылка к классике. Русокося Лея – потому что отсылка к классике иного толка, и сразу хочется её косу поделить на две и

заплести рогамиками у висков. Длины, думаю, хватило бы.

Запоминается сидевшая на софе Яслена, через которую резво
перепрыгивал Марк Аврелий. Пока

остальные уходили, а её соседка по
сидению ждёт, эта всё мнётся, чтобы в конце концов встать передо
мною и, кашлянув, неловко уточнить:

– У тебя только одна белка?

Вопрос несколько странноват (не в трусах же я вторую прячу?).

Её соседка по софе снова пытается сдержать улыбку.

– Одна, – подтверждаю я.

– А для размножения вторая нужна или он так... – у Яслены
внезапно начинает подёргиваться глаз. – Может взять и размножиться
на много маленьких белочек?

Я даже Марка Аврелия ощупываю на всякий случай, хотя
почкования за ним прежде не замечала. Но, кто знает, что в этом
волшебном мире возможно?

– Для этого нужна белочка, – сообщаю я. – И время.

– Яслена, это обычный зверёк, – соседка обнимает её за плечи и
разворачивает к выходу. Кивает мне. – Я Бэксил. У тебя очень милая
белка.

И она ведёт Яслену к выходу. А я, поглаживая обалдевшего от
всех этих приключений Марка Аврелия, провожаю девушек
рассеянным взглядом: а вдруг и правда тут какие-нибудь заклинания
позволяют зверюшек почкованием размножать или копировать... Я же
тогда с ума сойду.

Наконец, дверь закрывается, и мы с Никой и Марком Аврелием
остаёмся одни.

Ещё миг, и орехи весёлой грохочущей волной валятся со стола.
Катятся по полу во все стороны. Взвизгнув, Марк Аврелий бросается
спасать сокровища, но куда там.

– Ой, – Ника расстроено прикрывает клыкастый рот ладошкой. –
Я задумалась и не удержала их. – Заметив моё непонимание, она
поясняет. – Телекинезом. Я держала их телекинезом, чтобы не
рассыпались, а потом задумалась – и вот...

Глядя на то, как стрекочущий от возмущения Марк Аврелий
прихватывает орехи и тащит их под мою кровать, я только
отмахиваюсь:

– Не переживай, он все соберёт. И вообще всё соберёт, – обращаю

внимание на стол Ники: перьев там уже нет, значит, Марк Аврелий до них добрался.

– Поесть что-нибудь осталось? – спрашиваю я и, не удержавшись, зеваю.

***

Так как спешить не надо, я сочетаю полезное с полезным: в непринуждённой беседе узнаю, что, скорее всего, именно из-за абсолютного щита результаты тестирования такие кривые. Разделявая очередной пирожок под голодным взглядом Ники, интересуюсь, почему Алоиз чуть заикаться не стал при упоминании моего земного происхождения и сразу выкатил гору сомнительных инструкций.

И узнаю, что инструкции эти такие идиотские, потому что их только что составили. До меня здесь училась девушка с Земли и всё с ног на голову перевернула до нескольких ремонтов Академии. И спасла мир. Теперь от меня ожидают чего-нибудь такого же эпического.

Но как? Конец света обычно раз в тысячелетие прогнозируют, на круглые даты. Даже по календарю Майя он отставал от христианского лет на двенадцать. То есть не через пару месяцев и даже не через полгода планировался.

Где я им второй конец света для предотвращения найду так быстро?

Если и превосходить предыдущую землянку, то в чём-нибудь другом. У неё, например, диплом об окончании Академии получен автоматом, а я сама экзамены сдам. Да и мало ли что может подвернуться, прославиться можно не только спасением мира, наверняка есть другие варианты.

Так что, поразмыслив над эмоциональным рассказом Ники о великой любви и великих сражениях, качаю головой.

– Нет, я пока просто учиться буду, магия – это же так интересно. И существа всякие необычные. Потом по другим мирам попутешествую. По мне это веселее, чем спасать мир. Тем более, меня хорошо проинструктировали, я в сокровищницу дракону не полезу, – заключаю я и откусываю пирожок. Ника сглатывает. В её глазах стоят натуральные слёзы. С трудом прожевав, умоляю. – Не смотри на меня так, съешь этот несчастный пирожок, ничего страшного не случится.

– Не могу, – вздыхает Ника, опуская печальный взор на тарелку с пирожками. – Диета у меня магическая, я когда получаю достаточно еды – перестаю её видеть и ощущать. Ни потрогать, ни понюхать – ничего не могу. Даже силой в меня не затолкать.

Водя рукой над пирожками, она пронзительно вздыхает.

Оглядываю её пышный бюст, симпатичные щёчки:

– Слушай, а зачем ты на диете? Тебе мешает? Или из-за парня
какого? Если из-за парня – не надо,
глупо это.

Вздыхнувшая Ника поникает ещё сильнее:

– Это из-за Санаду.

Жуй я сейчас пирожок – поперхнулась бы. А так переспрашиваю:

– Из-за Санаду? Влюбилась, что ли?

– Нет, – Ника отчаянно мотает головой. – Я... я... не из-за него, а
потом оказалось, что не надо, и заклинание сняла, но Санаду оно
забавляло, поэтому он снова на меня наложил заклинание диеты.

Ника всхлипывает. Глаза у неё огромные, в них – вселенская
тоска, губы дрожат. Просто обнять и
плакать.

Откладываю остаток пирожка. Я, наверное, пирожки больше есть
не смогу. Даже одна: передо мной призраком будет вставать печальный
голодный образ Ники на диете.

Цензурных определений этому клыкастому мечтанию жаждущих
овампириться девиц нет. Ну разве так можно? Да у Санаду просто нет
сердца!

И она ведёт Яслену к выходу. А я, поглаживая обалдевшего от
всех этих приключений Марка Аврелия, провожаю девушек
рассеянным взглядом: а вдруг и правда тут какие-нибудь заклинания
позволяют зверюшек почкованием размножать или копировать... Я же
тогда с ума сойду.

Наконец, дверь закрывается, и мы с Никой и Марком Аврелием
остаёмся одни.

Ещё миг, и орехи весёлой грохочущей волной валятся со стола.
Катятся по полу во все стороны. Взвизгнув, Марк Аврелий бросается
спасать сокровища, но куда там.

– Ой, – Ника расстроено прикрывает клыкастый рот ладошкой. –
Я задумалась и не удержала их. – Заметив моё непонимание, она
поясняет. – Телекинезом. Я держала их телекинезом, чтобы не
рассыпались, а потом задумалась – и вот...

Глядя на то, как стрекочущий от возмущения Марк Аврелий
прихватывает орехи и тащит их под мою кровать, я только
отмахиваюсь:

– Не переживай, он все соберёт. И вообще всё соберёт, – обращаю

внимание на стол Ники: перьев там уже нет, значит, Марк Аврелий до них добрался.

– Поесть что-нибудь осталось? – спрашиваю я и, не удержавшись, зеваю.

***

Так как спешить не надо, я сочетаю полезное с полезным: в непринуждённой беседе узнаю, что, скорее всего, именно из-за абсолютного щита результаты тестирования такие кривые. Разделявая очередной пирожок под голодным взглядом Ники, интересуюсь, почему Алоиз чуть заикаться не стал при упоминании моего земного происхождения и сразу выкатил гору сомнительных инструкций.

И узнаю, что инструкции эти такие идиотские, потому что их только что составили. До меня здесь училась девушка с Земли и всё с ног на голову перевернула до нескольких ремонтов Академии. И спасла мир. Теперь от меня ожидают чего-нибудь такого же эпического.

Но как? Конец света обычно раз в тысячелетие прогнозируют, на круглые даты. Даже по календарю Майя он отставал от христианского лет на двенадцать. То есть не через пару месяцев и даже не через полгода планировался.

Где я им второй конец света для предотвращения найду так быстро?

Если и превосходить предыдущую землянку, то в чём-нибудь другом. У неё, например, диплом об окончании Академии получен автоматом, а я сама экзамены сдам. Да и мало ли что может подвернуться, прославиться можно не только спасением мира, наверняка есть другие варианты.

Так что, поразмыслив над эмоциональным рассказом Ники о великой любви и великих сражениях, качаю головой.

– Нет, я пока просто учиться буду, магия – это же так интересно. И существа всякие необычные. Потом по другим мирам попутешествую. По мне это веселее, чем спасти мир. Тем более, меня хорошо проинструктировали, я в сокровищницу дракону не полезу, – заключаю я и откусываю пирожок. Ника сглатывает. В её глазах стоят натуральные слёзы. С трудом прожевав, умоляю. – Не смотри на меня так, съешь этот несчастный пирожок, ничего страшного не случится.

– Не могу, – вздыхает Ника, опуская печальный взор на тарелку с пирожками. – Диета у меня магическая, я когда получаю достаточно еды – перестаю её видеть и ощущать. Ни потрогать, ни понюхать – ничего не могу. Даже силой в меня не затолкать.

Водя рукой над пирожками, она пронзительно вздыхает.

Оглядываю её пышный бюст, симпатичные щёчки:

– Слушай, а зачем ты на диете? Тебе мешает? Или из-за парня
какого? Если из-за парня – не надо,
глупо это.

Вздыхнувшая Ника поникает ещё сильнее:

– Это из-за Санаду.

Жуй я сейчас пирожок – поперхнулась бы. А так переспрашиваю:

– Из-за Санаду? Влюбилась, что ли?

– Нет, – Ника отчаянно мотает головой. – Я... я... не из-за него, а
потом оказалось, что не надо, и заклинание сняла, но Санаду оно
забавляло, поэтому он снова на меня наложил заклинание диеты.

Ника всхлипывает. Глаза у неё огромные, в них – вселенская
тоска, губы дрожат. Просто обнять и
плакать.

Откладываю остаток пирожка. Я, наверное, пирожки больше есть
не смогу. Даже одна: передо мной призраком будет вставать печальный
голодный образ Ники на диете.

Цензурных определений этому клыкастому мечтанию жаждущих
овампириться девиц нет. Ну разве так можно? Да у Санаду просто нет
сердца!

Глава 15

– Это достойно мести, – отодвигаю блюдо с пирожками. –
Симметрично жёсткого ответа. Что Санаду любит?

Широко распахнувшиеся глаза Ники даже от слёз просыхают.

– М-м-мести? Он же, он же менталист! Всё узнает и такое
устроит! И он мой наставник, имеет право наказывать. И ещё он меня
обращал, он принял за меня ответственность. – Ника понуро опускает
голову. – Я не могу ему мстить. Никак. Даже если очень захочу...

– А у меня щит ваш абсолютный, я могу, так что если придумаешь
не самоубийственные варианты – можешь обращаться.

У Ники становится такое лицо... и надежда, и мечта. Чувствую
себя демоном искушителем. Но она
мотает головой и опускает взгляд:

– Он узнает, это же Санаду, и будет только хуже. И мне, и тебе.

– Да ладно, – отмахиваюсь я. – Я здесь на довольствии, выгнать не

могут, что он мне такого страшного сделает?

– Язвительный он очень, а границу не всегда видит, – абсолютно
серьёзна Ника. – Кого хочешь
доведёт.

– В эту игру можно играть вдвоём. – Пожимаю плечами и
улыбаюсь: Марк Аврелий засёк припрятанный под моей пяткой орех и
теперь, щекоча босую ногу хвостом, вытаскивает добычу. – Санаду
ведь не женат?

– Нет.

– Вдовец? – уточняю на всякий случай, чтобы не проехаться по
совсем больному, я же не отмороженная.

– Нет.

Марк Аврелий, вырвав орех, уносится под кровать Ники, где
формирует дополнительную заначку. Я же выясняю информацию по
будущему противнику:

– Есть у Санаду какие-нибудь особенности, которые можно
высмеять?

Опять Ника смотрит на меня округлившимися глазами. У них тут
на Санаду совсем управы нет? Или причина в том, что он её в вампира

обратил? Имеет над ней особую власть, поэтому Ника в принципе
ответить не может? Тогда он даже
не фермерский козерог, а хуже.

– Ну... – Ника задумывается ненадолго. – Даже не знаю. Санаду
всё время от дел отлынивает, на помощника их сваливает. Всех
высмеивает. Особенно любовные отношения. И хотя он часто говорит,
что сам обо всём догадывается по выражениям лиц, подозреваю, он
заглядывает в память больше, чем разрешено правилами, – последнее
Ника произносит совсем тихо, потупив взор. – Но даже если так,
доказать это не получится: следов не оставляет. Нам ни разу не
удалось засечь их, кроме случаев, когда он воздействовал и считывал
специально показательно в рамках объяснения
темы или практики.

– Мда, не густо.

Зевок у меня получается такой, что чуть челюсть не выворачивает.

– Тарелку заколдуй, чтобы не испортилось, – киваю я на остатки
пирожков и допиваю чай. – Ладно, завтра подумаем, может, что и
сообразим. Мстя наша будет страшна и
всё такое. А сейчас – спать.

Зевая, прохожу в ванную комнату. К счастью, тут нет

средневековой романтики, а есть унитаз и водопровод, и Ника делится банно-ванными принадлежностями (правда, это серия для вампиров, но на раз сойдёт) и даже просторной для меня сорочкой.

Тут комфортнее, чем в прежнем общежитии, уютно. Как-то нормально всё. Нет ощущения, что меня украли и держат здесь насильно.

Когда выхожу с намотанным на голову полотенцем, свет притушен, а ожидающая своей очереди Ника роняет слёзы на письмо.

– От Вали? – уточняю сонно.

– Угу, – вздыхает Ника и суёт письмо под подушку.

– Приедет, не переживай, – откидываю покрывало и, наконец, укладываюсь. Под подушкой тихо скрипят орехи, топорщатся кучками, несколько выдавливаются наружу. – Ну, Марк Аврелий...

Шур-шур – и Марк Аврелий предстаёт передо мной, как лист перед травой. Смотрит сурово, подпихивает вылезшие из заначки орехи обратно.

– Я спать хочу! – пытаюсь утащить подушку, оставив орехи без прикрытия, но Марк Аврелий поднимает такой писк, что... – Ладно, ладно.

Отдаю ему подушку, а сама, откатываясь и прижимаясь спиной к стене, подтягиваю край одеяла под щёку. Наблюдаю, как Марк Аврелий деловито утрамбовывает орехи под подушку. И хотя рыже-серый хвостик возмущённо дёргается туда-сюда практически у моего носа, деятельность сопровождается сопением и попискиванием, а Ника поднимается, чтобы отправиться в ванную, на меня расслабляющей, оглушающей волной накатывает дрема.

И хорошо: утро вечера мудренее.

***

Проснувшись, не сразу открываю глаза. Вспоминаю всё случившееся с некоторой долей недоверия: иногда сны бывают удивительно реалистичными. Но даже самый яркий сон быстро угасает в памяти, а разговор с Санаду в пещере, Ника, Академия, весёлые оборотни, нервный Алоиз и некроманты, как и девчонки-менталистки, из моей памяти выветриваться не спешат.

Открываю глаза: светло. На краю постели сидят два Марка Аврелия и смотрят на меня. Синхронно склоняют мордочки набок и дёргают хвостом. Один словно отражение другого.

Договорилась Яслена о копиях белочек, теперь у меня галлюцинации. Похоже, у нашей семьи наследственно нежная психика, раз одинаково ломается и от отказа от обучения магии, и от согласия учиться.

Зажмуриваюсь.

Снова открываю глаза: Марк Аврелий сидит передо мной, склонив голову набок и подёргивая хвостом.

Одна штука.

Интересно, как тут с психиатрией дело обстоит? Есть для лечения галлюцинаций местная версия галоперидола?

Ладно, как-нибудь разберусь.

Потянувшись, сажусь на кровати и, пытаюсь пригладить торчащие во все стороны волосы, оглядываю комнату: роскошно здесь, несмотря на тесноту.

На обеденном столе за софой – тарелка с кашей и блюдо с бутербродом. Золотой чайник, чашка. И записка.

Паркет очень приятен к босым ногам, чувствуется в нём живая сила, в отличие от всяких ламинатов.

Чашка с налитым чаем горячая, как и каша. Масло и сыр на бутерброде ничуть не заветрились. Но начинаю я с записки.

«Я на занятиях. Твоя группа ещё не сформирована, когда лекции начнутся – не знаю.

Тебе надо сходить на склад (это такое одноэтажное здание возле первой развилки аллеи) за одеждой и к казначею за деньгами. Тебе прикажут все вещи уничтожить, пакет для уничтожения уже лежит на корзине для белья в ванной. Но скажу по секрету: нижнее бельё можешь оставить, его как раз вносят в реестр разрешённого импорта.

Можешь погулять по Академии, заглянуть в библиотеку и лавку мисс Глории. Если проголодаешься – столовая рядом с центральной площадью, её легко найти.

За стены ни в коем случае не выходи, это слишком опасно. Ника».

Пока читаю, Марк Аврелий забирается на стол и укоризненно смотрит на меня.

Да-да, кое-кто мохнатый не получил ни ужина, ни завтрака, а

запасы – это же святое и неприкосновенное. Поэтому и завтрак у меня проходит под прицелом проникновенно голодного взгляда. Но после Никиных слёз у меня почти иммунитет.

– Словно на тебя тоже заклинание диеты навесили, – укоряю Марка Аврелия, только это не действует. Как и предложение грызть орешки.

***

В этот раз ни оборотни, ни зомби не встречаются. И хорошо: после Никиного шампуня мои и так не слишком послушные волосы напоминают воронье гнездо после урагана, и укладка водой ситуацию не слишком поправляет.

Склад находится легко: он выделяется одноэтажностью. И при ближайшем рассмотрении очевидно, что тяготеет не к готике, а к египетскому стилю: такой же монументальный и весь, словно гробница древнего фараона, покрыт сюжетными рельефами с угловатыми фигурками. Правда, не раскрашенными. Чаще всего встречается девушка: то утаскивает мешки из-под бока спящего дракона, то стоит в окружении мелких человечков. То сражается с костяными скелетами. То распивает чай с мелкими человечками. То вместе с ними копает подземный ход...

Полюбовавшись местными мифотворчеством, прохожу в дверь под табличкой «Склад» в сумрачный, пропитанный влажной затхлостью коридор. Водопровод, что ли, прорвало?

– Ау-у! – зову я. – Есть здесь кто-нибудь?

И ступаю в зал с заполненными всякой всячиной стеллажами.

– Я есть, – из-за стеллажа, почти скрытый коробкой, выходит маленький человечек.

Он ставит огромную для него коробку на пол и выпрямляется, позволяя рассмотреть серую кожу и алые глаза. Внимательно на меня смотрит.

Ещё одно невероятное для Земли существо. Волшебное. Я мысленно перебираю названия видов из инструкций (в них почему-то не дали описаний, и как я должна разбираться, кому нельзя возражать?).

– Привет! – машу рукой. – Я за одеждой, но можно узнать, вы к какому виду относитесь? Гоблин?

– Болотный, – сверкает глазами человечек. – Вы с Терры?

– Да.

Оскалив клыкастую пасть и выставив вперёд когтистые руки,

гоблин бросается ко мне.

Глава 16

Пять минут и восемь опрокинутых стеллажей спустя мы сидим на свалившихся с них вещах. Гоблин прижимает к вспухающей на лбу шишке брикет мороженого. Я прижимаю брикет к синяку под глазом, полученном в неравной борьбе с коробкой чернильниц.

– С Терры, ещё одна девушка с Терры, – восхищённо причитает гоблин Дабиус, благоговейно поглаживая меня по плечу. – Боева-а-ая. Это хорошо.

Всё это – следствие недоразумения.

Просто у гоблинов улыбка такая клякастая.

И Дабиус только-только сделал себе впечатляющий маникюр. Он всего лишь хотел меня обнять.

Не то что я совсем против обнимашек при знакомстве, но от неожиданности выставила колено. Дабиус вмазался в него лбом и отлетел назад с диким воем. Освещение вдруг стало красным, двери захлопнулись, я метнулась за стеллаж – так, на всякий случай: переговоры удобнее вести из укрытия. И тут взвыла сирена. Кошмарный звук ударил по нервам. Дабиус подскочил и опять бросился ко мне. Стеллажи вокруг зашатались, стали падать. А я споткнулась и рухнула на коробку с чернильницами, получая свой фингал. Дабиус щелчком пальцев отключил орущую и мигающую красным систему защиты, сработавшей из-за его удара о моё колено, после чего предложил мороженое.

Теперь сидим, лечимся: он целительной магией не владеет.

И для него честь познакомиться с ещё одной террианкой.

Дверь на склад распахивается. Санаду шагает внутрь и останавливается. Приподняв бровь, медленно оглядывает разгром.

– А я говорил, что инструкции не помогут, – хмыкает Санаду.

– Если вы прибежали меня спасать, то поздно, – я переворачиваю брикет мороженого более холодной стороной, – меня бы уже убить и разделать для избавления от тела успели.

Санаду одаривает меня «любезнейшей» улыбкой:

– Ну что вы, я здесь исключительно ради спасения Дабиуса.

– Тогда тем более поздно: при его габаритах я бы и труп успела спрятать.

– Дабиус счастлив, – улыбающийся болотный гоблин гладит меня по плечу. – Больше террианок, больше разорённых драконьих сокровищниц! У Дабиуса есть карта, я подскажу, куда...

– Чур нас! Чур! – машет руками Санаду. – Так, Дабиус, выдай студентке её вещи. Клеопатра – не слушай его. Он плохому научит.

– На память не жалуюсь, знаю, что у драконов ничего брать нельзя. Да и вообще я хорошая девочка.

Дабиус смотрит на меня проникновенно укоризненно, шепчет:

– В сокровищницах...

– Вещи неси! – рявкает Санаду.

Подскочив, Дабиус касается золотого браслета на моей руке и, штурмом взяв гору вещей, исчезает за устоявшим стеллажом. А я снизу вверх разглядываю Санаду. Его командный тон пробирает. Бывает рявк доведённого до края преподавателя – нервный, полный скрытого отчаяния, а бывает властный рявк директора или ректора. У Санаду последнее.

Впрочем, ко мне он, сложив руки на груди, обращается подчёркнуто любезно:

– И всё же я настоятельно не рекомендую покушаться на драконьи сокровища.

– Да не переживайте, вы же сами говорили, что драконы закончились, где я здесь их сокровища возьму?

– Мало ли, – Санаду задумчиво оглядывает лежащие стеллажи. – Кто вас, рыжих, знает.

То есть его не только моё происхождение и щит на мне не устраивают, ему ещё и цвет моих волос не нравится. Вот бы на голову что упало этому садисту клыкастому. А совсем замечательно было бы, если бы здесь оказалась противопожарная поливалка и сработала на нём.

В глубине склада чем-то шуршит Дабиус.

– Валерия была рыжей? – интересуюсь я.

Санаду направляет на меня тёмный взор. И по этому взгляду понимаю, что не рыжие у неё волосы, и Санаду догадывается, что его ожидает комментарий по поводу его специфической логики.

Доносится благоговейный голос Дабиуса:

– Нет, волосы Валерии Великой дивного желтоватого цвета, как
корни гнилоцвета ползучего.

– И если не рыжая такое устроила, – опережает меня Санаду, –
страшно представить, что от рыжей ожидать.

– Так если страшно, вы успокоительное попейте. Капельки там
какие-нибудь.

– Это вам о нервах своих беспокоиться надо.

– С моими нервами как раз всё в полном порядке.

– Да неужели? – Санаду картинно оглядывает пространство
вокруг. – Это вы от нервного спокойствия всё вокруг телекинезом
разнесли? Если это у вас спокойствие такое, то всей Академии надо
начинать принимать курс успокоительных в ожидании вашего
беспокойства.

Оглядываю лежащие вокруг стеллажи, вещи и изображаю Шурика
из фильма:

– Часовню тоже я развалила?

На самом деле развал меня впечатляет. Если я и правда
телекинезом такое устроила – это же здорово! Надо только
потренироваться для более точных... и точечных попаданий, а то вдруг
потом прибираться заставят.

– Нет, это было до вас, – удивительно точно попадает в цитату
Санаду, его губы дёргаются в подобии улыбки. – Часовню предыдущая
террианка раскатала, но вы на верном пути.

– Только мир спасти не заставляйте: у меня лапки.
Санаду вздёргивает бровь.

– У драконов тоже лапки, это не помешало им спасти мир. – Он
резко переводит взгляд вглубь склада. – Дабиус, выдайте студентке
стандартный набор, не надо в него подсовывать всякие сомнительные
инструкции. И болотных деликатесов тоже не надо... хотя, – Санаду
скептически меня оглядывает. – Это
уже пусть мисс Клеопатра решает.

– Как же без деликатесов? – печально отзывается гоблин. – У меня
личинки свежие, только сегодня с болот
доставили!

Ехидно улыбаясь, Санаду смотрит на меня: мол, принимай
подарочек.

А я что? Я ничего, а Марк Аврелий личинки любит, не вручную
же мне их собирать.

– Они какого цвета у вас? – интересуюсь, не сводя взгляда с Санаду.

– Белые! Сочные, толстенькие!

– Беру! – соглашаюсь я: если не подойдут Марку Аврелию, выпущу на волю. – Спасибо!

У Санаду приподнимается вторая бровь. Впрочем, он быстро соображает:

– Для белки?

– Ну не для того же, чтобы вас своим экзотическим вкусом впечатлить. – Я снова переворачиваю брикет мороженого. Кожа уже ледяная, но место удара ноет. Указываю на фингал. – Это можно вылечить магией?

Прищурившись, Санаду оценивающе меня рассматривает, усиливая желание что-нибудь на него уронить. Чисто ради эксперимента с телекинезом.

– А знаете, – он трогает подбородок. – Вам же делать нечего. Сейчас получите вещи и когда выйдете, направляйтесь не к общежитию, а к стене. Увидите там пирамиду с двумя статуями. Не бойтесь, не перепутаете, она у нас тут одна такая. Возле неё сидит женщина. Это наша целительница, обратитесь к ней, поговорите, расспросите о жизни в Эёране, всё такое. Сможете её заболтать и хоть немного развеселить – я, так и быть, дам пару уроков, чтобы в следующий раз ваше появление не закончилось обрушением мебели.

– Мои появления обычно так не заканчиваются. Я даже не уверена, что всё это уронила я.

О том, что я не клоун кого-то веселить, умалчиваю: потом ведь не отмашусь от подколов.

– Поверьте, это был ваш спонтанный телекинез, браслет и защитные чары это зафиксировали. – Санаду небрежно указывает на моё запястье и снова складывает руки на груди. – Раньше у вас не было магической подпитки такого уровня, как сейчас, так что об уроках самоконтроля я бы на вашем месте задумался.

– Если они мне нужны – вы и так их дадите, – пожимаю плечами.

– Договор с Академией обязывает.

На миг Санаду сжимает губы, кажется, сейчас ругнётся, но он хищно улыбается:

– Учить можно по-разному. Можно понятно объяснить и показать, а можно дать письменную инструкцию.

– Конечно, можно, но почему вы думаете, что я инструкции предпочту ваше общество?

Короткая, но тяжёлая пауза, во время которой я невозмутимо
взираю на Санаду. Он гордо
вздёргивает подбородок:

– Потому что я отличный преподаватель и умею объяснять.

– Хм, простите, но сильно в этом сомневаюсь: при моём появлении здесь вы объясняли ситуацию удивительно невнятно и непоследовательно, впору было усомниться в ваших умственных способностях. После этого заявление об умении объяснять выглядит несколько, хм, самонадеянно. Если не сказать хуже.

Да-да, я догадываюсь, что Санаду хотел добиться моего отказа, и знаю, как парировать прямое заявление об этом, но... У Санаду становится такой взгляд... Взгляд человека, который знает, что ответить, хочет – очень хочет – ответить, но не может. Он косится в ту сторону, где ещё копошится Дабиус. Снова смотрит на меня, и щека Санаду подёргивается. Это что, нервный тик уже? Так рано? Мстя ещё даже не началась, только разведка.

– Списываю это впечатление на вашу растерянность, – сквозь
зубы произносит он.

– Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад! –
вспоминаю невольно.

Санаду взмахивает рукой, и позади меня раздаётся глухой вскрик.

– Дабиус, – строго произносит Санаду. – Я всё вижу, всё знаю.

Жаль, нет над ним ничего, что можно телекинезом совершенно
случайно уронить. А если мысленно
поковырять досочки на потолке?

Нечто тёмное и объёмное падает сверху. Отшатываясь, толкаю
этот ком рукой, и он улетает в лицо Санаду.

Не знаю, врежется или нет, но отскакивает бодро и пролетает
обратно над моей головой. Санаду стоит с широко распахнутыми
глазами:

– Что вы творите?

Я, взвесив брикет мороженого и передумав бросать его в Санаду,
снова прикладываю ледяной брусок на скулу.

– В каком смысле? – Оглядываюсь: чёрный мешок парит в воздухе
шагах в десяти от меня. – Вы зачем в меня всякими штуками

непонятными бросаете?

– Я в вас? – переспрашивает Санаду. – Вы ничего не перепутали?
Поворачиваюсь к нему:

– Нет, не перепутала.

– Я ещё не всё собрал, – вздыхает из глубин склада Дабиус.

– Этого более чем достаточно. Лопата девушке не нужна. –
Санаду взмахивает рукой.

На этот раз чёрный мешок медленно меня облетает и зависает
рядом. Теперь замечаю свисающую с него ниточку.

– Ваши вещи, – строго сообщает Санаду. – Берите за верёвочку и
идите. Вам к пирамиде у стены. И постарайтесь без разрушений.

Он вызывает нерациональное желание показать ему язык.

Поднявшись и поблагодарив вышедшего из глубин склада
Дабиуса за вещи и гостеприимство, направляюсь к выходу. Под
пристальным взглядом Санаду. Прежде, чем шагнуть в коридор,
сочувственно рекомендую:

– Вы бы капелек успокоительных всё же попили.

– Как вы себя недооцениваете, – снова складывает руки на груди
Санаду. – После вас успокоительное надо пить литрами.

– Ну, если у вас настолько плохо с нервами, – округляю глаза я. –
То можете литрами.

Выскакиваю в коридор и прикрываю дверь, чтобы оставить
последнее слово за собой. Объёмный мешок мешает двигаться не
больше, чем воздушный шарик. Классный способ переноса вещей!

После складского сумрака солнечный свет ослепляет. Шагая
вперёд, моргаю, привыкая к этой яркости. Сбоку что-то звякает, я
разворачиваюсь, присматриваясь к чему-то большому и белому у
стены склада.

Это... похоже на кота. Условно. Огромный двухметровый зверь с
несколькими хвостами, шестью лапами и перепончатыми крыльями
стоит на задних, обтянутых штанами лапах. Повёрнутая ко мне
кошачья морда с абсолютно чёрными глазами увенчана рогами.
Чудовищное создание держит в верхней лапе кисть со стекающей
белой краской.

На рельефах стены белой краской выведено: «Лерка неблагодар».
Похоже, я застала Это за актом
вандализма.

– Я ничего не видела, – предупреждаю сразу и направляюсь дальше.

– Какая киса! – восхищённо выдаёт Это.

Судя по грохоту, оно роняет ведро с краской и кисть тоже.

Сбежать не успеваю – мохнатые лапы подкидывают меня вверх, чтобы поймать и прижать к широкой мохнатой же груди. Брикет мороженого улетает в одну сторону, мешок с вещами – в другую, но зверь перехватывает и то и другое второй парой лап. Впечатляет ловкостью, но...

– Кажется, вам надо обзавестись очками, – советую я. – Вы меня с кем-то перепутали. И если не поставите на место, я буду кричать.

Рогатый кошак в оскале-улыбке демонстрирует полную пасть зубов. Неправ Санаду: лопата мне нужна. Очень. Немедленно!

– Не надо никого звать, моя рыжая кисонька, теперь всё будет хорошо, потому что у тебя есть я.

Он распахивает крылья.

Да не может быть, чтобы он сейчас полетел! Свалится, и я убегу.

Но кот взлетает легко, вопреки всем законам аэродинамики. А я на их помощь, вообще-то, надеялась.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора:

<https://litmarket.ru/books/popadanka-rektora-arhivampira-v-akademii-dragonov>